

18+

РЕКВИЕМ КРАМЕРА • ТОМ ПЕРВЫЙ

Шаг во тьму

Иван
Тропов

Иван Тропов

Шаг во тьму

«Издательские решения»

Тропов И.

Шаг во тьму / И. Тропов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939007-3

Эти существа живут между людей незаметно — когда-то они и сами были людьми, пока не обрели способность жить вечно. Платят за их бессмертие другие. Кто-то своей судьбой, кто-то своей жизнью... Влад Крамер вырос среди тех, кто знает, что эти твари есть. Знает, как их искать. Знает, как убивать. Он так думал. Пока не столкнулся с тварью, которая ему не по зубам. Кто охотник теперь? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-939007-3

© Тропов И.
© Издательские решения

Содержание

I. ГНЕЗДО	6
II. МЕТКА	31
III. РУЧНАЯ ДЬЯВОЛИЦА	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Шаг во тьму

Иван Тропов

© Иван Тропов, 2020

ISBN 978-5-4493-9007-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. ГНЕЗДО

Не хотелось мне туда лезть.

Дом нависал из темноты, как корабль. Флигели двухэтажные, задняя часть еще выше. Все это с пятиметровыми потолками, по дореволюционным стандартам – когда-то это была усадьба. Да еще приподняты над землей, под всем домом полуподвал.

Стены в пятнах и трещинах, штукатурка местами отвалилась. Старый дом, почти заброшенный... Только вот все стекла на местах.

И не просто целые, а хорошие стеклопакеты стоят, вполне современные. Еще бы разглядеть, что там внутри, за этими стеклопакетами...

Там ни огонька. Снаружи света тоже кот наплакал. Месяц только взошел, едва выбрался из-за деревьев. Голые верхушки дубов отражаются в стеклах, как в черных зеркалах. Ни черта не разглядеть. И еще эта тишина...

Здесь нет ни гула машин, ни далекого перестука электрички, ни лая собак. Ничего. До ближайшей деревни четыре версты.

Хотя там все равно никого нет. Совсем пустая, будто люди из нее бежали. Брошенная. Как и еще три деревни вокруг этого места.

На восемь верст вокруг ни души.

Все признаки гнезда...

Я расстегнул плащ, чтобы не сковывал движений. Медленно пошел вокруг дома, ныряя от ствола к стволу, прячась в тених.

От узенького месяца света немного. Но когда вокруг ни фонарей, ни рекламного неона, вообще ни огонька... даже под этим скудным светом чувствуешь себя как на освещенной сцене, и лучше держаться теней.

Дождя не было уже вторую неделю. Под дубами скопился толстый слой листвы – сухой и жесткой. Я шел медленно, ставил ноги осторожно, и все равно листва под ногами предательски шуршала.

Ни ветерка. Ветви дубов, голые и оттого еще корявее, неподвижно замерли в холодном воздухе, как на картинке. Здесь даже птицы не шумят. Ни птицы, ни волки, ни мыши. Никто. Все убрались отсюда подальше.

Листья под каблуками шуршали и щелкали, как сотни крошечных цикад. Неподвижный холодный воздух разносил звуки далеко-далеко. Если в доме кто-то есть, и он случайно усл...

В окне второго этажа, где была приоткрыта фрамуга, за отражениями ветвей бледнело лицо.

Сердце ударило в ребра и провалилось. Я замер под стволом дуба, вжался спиной в морщинистую кору. Вглядываясь в темное стекло, в отражения ветвей, в то, что за ними – внутри дома...

Если там кто-то и был – теперь его не было.

Показалось?

Хотелось бы надеяться...

Я следил за домом две ночи подряд. Эта – третья. Хозяева дома спят днем, бодрствуют ночью. Сегодня вечером они отлучились. Надеюсь, я выследил их всех, и сейчас дом пуст. Надеюсь...

В этом деле никогда нельзя быть уверенным до конца.

Но кто-то должен это делать.

Я заставил себя отлипнуть от дубового ствола, выйти из тени – такой надежной! Двинулся дальше. Обходя дом с правого крыла, постепенно приближаясь.

Впервые за три дня я рискнул подойти так близко.

Крался к дому – каждый миг ожидая почувствовать холодок, налетающий как порыв ветра, только холодит не кожу, а изнутри, в висках. Налетит – и скользнет дальше, но через миг вернется. Как возвращаются пальцы слепца, наткнувшись на вещь, которой здесь не место. Вернется ледяным порывом, превратившись в цепкие щупальца, обшаривающие тебя изнутри, перебирающие твои ощущения, чувства, желания...

Я сглотнул. Втянул холодный воздух – глубоко, до предела. Задержал его в легких, очень медленно выдохнул. Стараясь хоть немного успокоиться.

Да, я трус. Я ужасный трус. Я вообще не понимаю, почему еще не бросил все это. Наверно, только потому, что еще страшнее мне представить, что будет, если однажды я и такие, как я, перестанем делать то малое, что еще в наших силах...

Теперь я шел совсем медленно. Ставил ногу на листву всей ступней и только потом, медленно-медленно, переносил на нее вес. Но даже так высохшая листва шуршала, хрустела, трещала...

За черными стеклами ни огонька, больше никаких бледных пятен – лиц, вглядывающихся наружу... Но это ничего не значит. Ни черта не значит! Эти твари хитрые.

Надеюсь, мне просто показалось. Надеюсь.

Дубы впереди почти кончились. До следующего – открытый участок, проткнутый лунным светом. Совсем близко к дому.

Оскалившись, молясь, чтобы в листве под ногами не оказалось высохшего сучка, я быстро зашагал к спасительному стволу. Ощущения не из приятных.словно идешь по залитой светом сцене – а рядом черный провал зала, где может быть кто угодно. Тебя прекрасно видят, а ты ни черта не замечаешь...

Я обнял ствол, вжался в кору. Уф. Почти добрался.

Слева – еще одно здание, маленькое рядом с громадой дома. Когда-то конюшня, теперь гараж. Длинное одноэтажное строение. Ближний угол более-менее приведен в порядок. Стена оштукатурены и выкрашены, новенькие алюминиевые ворота.

Но мне не сюда, мне дальше. Вдоль дальней части, без штукатурки, с выпятившимися кирпичами, черными от времени, почти руины. За угол.

Между кустами, потерявшими листву и похожими на перевернутые метелки.

Кусты заполонили весь задний двор, остался только пяточок у колодца и проезд к гаражу. И еще вот эта вот проплешина за конюшней...

Кусты расступились. Почти круглая площадка. Шагов шесть в ширину. Толстый слой опавших листьев скрадывает неровности, но заметно, что по краям полянки есть холмики. Небольшие: полшага на шаг.

На самом деле, не только по краям. Не первый раз я вижу такие полянки... Знаю, что там, под слоем опавших листьев. Маленькие холмики – они по всей проплешине. Только в центре они старые, слежались, расплылись, потому сразу и не заметить.

Но я-то такие полянки уже видел, и не раз. Чего я еще не видел, так это чтобы полянка была таких размеров. Максимум, что мне встречалось – это сорок два холмика.

Холмика...

Да, холмика. Так проще. Если каждый раз пропускать все через себя, не хватит никаких сил.

Я вышел в центр. Потоптался, нащупывая под слоем листвы холмик – тот, который в самом-самом центре. Встал на него, повернулся к дому спиной. И сделал длинный шаг.

Как раз на верхушку соседнего холмика, спрятавшегося под дубовыми листьями. Повернул налево и опять шагнул. Снова на вершину холмика. И еще шаг, только теперь забирая влево не так сильно...

Длинными шагами. По спирали, что медленно раскручивалась от центра к краям поляны. Каждым шаг на очередной холмик. Проходя их в том же порядке, в каком эти холмики появлялись здесь. Один за другим, медленно, но верно отвоевывая место у кустов.

И, конечно же, не забывая считать. К кустам на краю проплешины я дошел на семьдесят пятый шаг.

Семьдесят пять шагов. И, значит, семьдесят пять холмиков.

Холмиков...

Я поежился. Шесть часов на холоде нормально выдержал, а теперь вот пробрало. Семьдесят пять...

Чертова сука! С такими я еще не сталкивался.

Правда, есть крошечный шанс, что под холмиками всего лишь котята-ягнята. Вон они какие маленькие, эти холмики. Вполне может быть, что это всего лишь животные. Оттого их и так много. Логично?

Я вздохнул. Есть вещи, в которые очень хочется верить – но...

Можно бы раскопать одну из могил. Если это ягнята, то ничего страшного не случится.

Но вот если нет? Если это вовсе не ягнята, и хозяева заметят, что кто-то раскапывал могилы?

Семьдесят пять...

Если там, под холмиками, не ягнята-щенята, то завалить эту чертову суку и так-то будет непросто. А уж если она еще и всполошится... Ч-черт. Нет, копать нельзя.

Но как тогда узнать, что в могилах?

Я облизнул пересохшие губы. Способ, конечно, есть. Способ всегда есть. Только этот способ мне не нравился. Очень не нравился.

Я медленно обернулся.

Дом глядел на меня черными окнами-зеркалами.

Большой, старый, с потрескавшейся штукатуркой и щербатыми углами, на них штукатурка облетела, виднелись кирпичи... и с новенькими чистенькими стеклопакетами, в которых все отражается. Трухлявый череп в зеркальных очках.

Как же мне не хочется туда лезть...

Только месяц поднимался все выше – месяц горбом влево. Старый, идет на убыль, скоро новолуние. А если взошел старый месяц, то скоро будет и светать. Значит, и хозяева вот-вот вернуться.

И черт его знает, когда их не будет в следующий раз.

Я глядел на дом, дом пялился на меня своими окнами-зеркалами. Предчувствие накатило на меня удушливым жаром.

Паршивое предчувствие. Очень паршивое. Этот дом может оказаться последним, что я увижу в своей жизни.

Не знаю, почему – но это так. Такое уж предчувствие. А своим предчувствиям я привык доверять.

На миг мне захотелось просто уйти. Убежать, поджав хвост, и забыть обо всем, что я нашел здесь. Об этом доме... о чертовой суке, которая выжила всех в округе... Об этом заднем дворе, с семью десятками холмиков...

Холмиков.

Да, холмиков. Наверно, в этом все дело. Я вздохнул и пошел к дому.

+++

Вблизи он оказался еще больше.

Арочные окна полуподвала, издали казавшиеся у самой земли – оказались мне по грудь. Все наглухо забиты досками, черными от времени.

Вблизи стены выглядели еще хуже. Все в паутине трещин и трещинок. Кажется, ногтем можно расколупать.

Может быть, потому, что я слишком старательно разглядывал эти стены, пока обходил дом... Я все надеялся, что предчувствие поутихнет. Но оно не отпускало.

Я вздохнул и пошел быстрее. Обогнул правый флигель и вышел парадному входу. Здесь подвальный этаж выступал широким эркером, став крыльцом-террасой. С боков две лестницы.

Я медленно двинулся вверх. Чугунные перила обеих лестниц аккуратно выкрашены белым, матово светятся в лунном свете, а вот каменные ступени шершавые от времени. На третьей плита с трещиной, под моей ногой дрогнула и глухо стукнула. Вот почему хозяева всегда ходили по левой...

Последние ступени. В груди молотилось сердце – предчувствие было все острее. Паршивое предчувствие...

Я заставил себя перешагнуть последнюю ступеньку. Прошел через площадку, к двустворчатым дверям. Толкнул.

Высокие, тяжелые – и незапертые. Неохотно, но поддались.

Из дома дохнуло теплом, восточными благовониями и... за пряно-дымным ароматом пряталось что-то еще. Что-то очень знакомое – но никак не ухватить, приторные благовония забивали остальные запахи. Но ассоциации не из приятных.

Месяц висел прямо за спиной. Лунный свет падал в приоткрытую дверь, в серебристом прямоугольнике на полу лежала моя тень. А дальше – только темнота.

Черт возьми, мне совсем не хочется идти туда!

Я оглянулся. Перед крыльцом была лужайка, за ней пруд. Неподвижная вода казалась застывшей черной смолой. Вдоль берега слой опавших листьев. Темные осиновые, светлые дубовые...

В сердце кольнуло. Господи, как же красиво... Почему-то красота особенно чувствуется вот именно в такие моменты – когда предчувствие говорит, что через несколько минут для тебя все может кончиться...

Ну и трус. Вы только посмотрите, какой трус!

Я отвернулся от пруда и резко выдохнул. Сбил пальцы домиком, и еще раз, и еще, ту же натягивая перчатки. Шагнул внутрь.

Где-то над моей головой невидимые пружины медленно, но уверенно притянули створки обратно. Лунный прямоугольник сжался в щель, пропал.

Я постоял, давая глазам привыкнуть. Оказалось, здесь не так уж темно – слева и справа на полу лежали лунные призраки окон.

Холл просторный и совершенно пустой. Штукатурка на стенах, лепнина под потолком – почти такие же потрескавшиеся, как и стены снаружи, но тщательно побелены.

Паркет очень старый, и какого-то странного рисунка – двойная спираль из клиновидных кусков, ни разу такого не видел. Дерево потемнело, но вычищено и навощено до блеска. Ох и скрип сейчас будет на весь дом...

Я шагнул, заранее сморщившись – но пол не скрипел. Совершенно. Звук был такой, словно под ногами толстая каменная плита. И ощущения такие же. Лиственница? Со временем почти окаменела?

Я двинулся дальше.

По краям холла, слева и справа, двойные двери. Это в крылья, мне туда не нужно. Еще одни двери – прикрытые – сбоку от широкой лестницы. В главный корпус. Но туда мне тоже не нужно. По крайней мере, пока. А вот лестница...

Широкий пролет, с ковром и золотисто светящимися в темноте шарами перил, ведет вверх. А вот справа за ним, неприметная, если не искать, узкий путь вниз. Вот это то, что нужно. Я зашагал туда, на этот раз увереннее, не опасаясь ужасного скрипа...

Замер.

Подошвы ботинок у меня из натурального каучука. Обычно медленные шаги почти бесшумны. Но здесь...

То ли из-за каменно-твердого пола, то ли из-за этих голых каменных стен, высокого полочка и огромного, но совершенно пустого холла... акустика здесь сумасшедшая. Звук каждого шага несколько раз отлетал от стен, никак не желая умирать. Будто где-то в другой комнате по паркету цокали звериные коготки. В такт моим шагам. Маскируюсь.

Я усмехнулся. Маскируюсь, как же...

Это все безлюдье и тишина.

И три дня слежки. И сон днем – посреди пустой, заброшенной деревни...

Все это давит на психику. Ну и еще врожденная трусость, конечно, куда же без нее. Безлюдье, тишина – и врожденная трусость. Только и всего.

Тварей хитрых настолько, чтобы маскировали свои шаги за чужими, – нет, таких тварей в природе не бывает.

Но ведь это в природе... А здесь... Здесь живет чертова сука, у которой на заднем дворе семьдесят пять холмиков. И если это не котят-ягнята, а...

Стоп. Хватит. Не надо становиться параноиком. Не первый раз на охоте, верно?

Я двинулся дальше. Ловя себя на том, что изо всех сил прислушиваюсь к эху шагов.

Но то ли здесь, в центре холла, акустика изменилась, то ли раньше мне просто почудились... На самом деле, не такое уж оно и сильное, это эхо. Совсем не напоминает стук когтей.

Ступени лестницы сливались в темноте. Я осторожно нащупал ногой первую, медленно перенес вес. Ступени, как и пол, совершенно не скрипели. Словно камень под ногами. А вот запах изменился.

Теперь ясно, зачем в воздухе столько благовоний. С каждой ступенькой вниз пряная ширма ароматических палочек истончалась. Уже не скрывал тот, другой запах. Прогорклость жженого жира, кислинку ржавчины, затхлость сырого камня... и за всем этим запах очень слабый, но тяжелый, давящий в самое основание носа, за глазами...

Запах, какой бывает в дешевых мясных лавках, где убираются редко и плохо. Или слишком долго работают без ремонта. Так долго, что запах пропитывает стены – запах застарелой крови, вонь мертвой плоти.

Ступени шли не прямо, а закручивались влево, под широкий верхний пролет. Изгиб поглотил остатки света. Теперь я шел в полной темноте, вытянув перед собой руки. Пальцы наткнулись на что-то гладкое. Лакированное дерево? Похоже.

И только теперь я заметил красноватый отблеск внизу. Под дверью пробивался свет. Я нащупал ручку, повернул. Толкнул дверь. Здесь тоже не заперто. Эти суки вообще почти не запирают дверей – им как бы и незачем...

Я приоткрыл дверь шире и скользнул внутрь.

Весь полуподвальный этаж – один огромный зал. Никаких внутренних стен, только арочные опоры. Откуда-то из-за них лился теплый свет живого огня, тихое потрескивание свечей...

Где-то там, за колоннами, огоньки задрожали, и тени от колонн заметались по полу. Постепенно успокоились... Это нормально. Всего лишь завихрения воздуха оттого, что я распахнул дверь – не сразу добрались в дальний угол. Ничего необычного.

И все-таки я помедлил у порога. Предчувствие, черт бы его побрал! Оно никуда не пропало. Не желало убираться.

А может быть, это из-за запахов. Кислинка коррозирующего металла, тяжесть старой крови... Может быть, в них все дело.

Но я всем телом, кожей чувствовал что-то еще. Что-то было не так.

Еще бы понять, что...

Внимательно оглядываясь, я медленно зашагал вперед, стараясь держаться в середине проходов. Впритык к колоннам лучше не проходить. Мало ли...

Здесь пол был каменный. Шаги отдавались громче. Эхо опять походило на цоканье звериных коготков.

Нервы, чертовы нервы...

Я сбил пальцы домиком, натягивая перчатки и разминая пальцы. Руки – это мое единственное оружие сейчас. Револьвер, мой любимый Курносый – в девичестве Chief's Special с титановой рамкой – в четырех верстах отсюда. Нож там же. Сейчас со мной ни револьвера, ни ножа. Ничего нельзя, когда идешь против этих чертовых сук.

Только руки – и то, что у тебя в голове. То, что обычные люди изо всех сил стараются забыть...

Медленно вперед, всматриваясь в тени колонн. Держась на равном расстоянии между ними. Никогда не знаешь, что тебя ждет.

Дверь осталась далеко позади. Из-за колонн показалась одна свеча, другая... Краешек камня над полом, потом и все остальное. Я такое уже видел.

Мраморные глыбы, сложенные под последней колонной, как пьедестал. В три ступени. На каждой ступени сотни свечных огарков. Горят далеко не все, но даже так света более чем достаточно.

На вершине пьедестала – огромная, размерами в раскинувшегося человека, круглая пластина, сплошь покрытая патиной. На ближнем краю патина благородно-изумрудная. На дальнем, упершемся в колонну, – темная, почти бурая. Там патина в нескольких местах содрана: несколько длинных узких царапин, – в них тускло светилось серебро.

С колонны на все это взирала козлиная голова. Здоровый козлина был при жизни, под центнер, если не больше. Рога очень длинные, похожи на узкий штопор. *Carra falconeri*, козел винторогий.

Я уже стал специалистом в этих чертовых полорогих, будь оно все проклято...

Редкий экземпляр, между прочим. Обычно *carra falconeri* рыжеватые – а этот черный, как уголь. И рога отменные, без единого скола. Да и таксидермист свое дело знал, хорошее чучело получилось. Даже слишком хорошее...

В глазницах вместо стандартных желтых стекляшек – рубины. Когда огоньки свечей вздрагивали, языки света скользили по козлиной морде, заглядывали в кроваво-красные камни – и рубины оживали. Словно и не камни это вовсе, а две тонкие стеклянные чешуйки, за которыми чьи-то внимательные глаза...

Я мотнул головой, прогоняя наваждение. Усмехнулся и подмигнул морде:

– Привет, блохастое.

Но никакого облегчения не испытал. То ли из-за освещения снизу, то ли в том были виноваты руки таксидермиста, настоящего мастера, – но казалось, что чучело подмигивает мне в ответ. В чуть подрагивающем свете свечей ухмылка гуляла по морде. Едва заметная, но ощутимо злая. Мстительная.

И глаза...

То есть рубины. Не просто стоят в глазницах. Смотрят – и именно на меня. Словно тот, кому приносились жертвы на этом алтаре – сейчас здесь. Прямо за этими рубиновыми чешуйками.

Я облизнул пересохшие губы. Это все нервы, чертовы нервы! Конечно же, ничего подобного не бывает. Просто камни!

Просто красные стекляшки, и больше ничего. Конечно же.

Но говорят, что морды, под которыми приносились жертвы, – как намоленные иконы. Нельзя глумиться без последствий. А под этой мордой...

Семьдесят пять холмиков. И теперь я точно знаю, что это не ягнята-поросята. Серебряная пластина алтаря слишком велика для овечек-хрюшечек...

Я сбил пальцы домиком, натягивая перчатки туже. Нарочито шумно выдохнул – от души, давая выход раздражению.

Говорят... Мало ли, что говорят!

Верить в некоторые вещи – первый шаг к концу!

А сделаем-ка мы вот что для успокоения. Я шагнул к изголовью алтаря. К самой колонне, к взирающей на меня морде. Невысоко висит...

Черная блестящая шерсть усеяна мелкими темными пятнышками. Случайно забрызгали. И я даже знаю, чем.

Но я все равно поднял руку, чтобы потрепать эту козлиную морду как безобидную домашнюю шавку, дернуть за бородку...

Не дернул.

Замер, а сердце в груди дрогнуло и провалилось куда-то.

Глухое рычание...

Утробное, басовитое, на самом пределе слышимости – но очень недовольное...

Очень медленно я обернулся.

Не дыша. Обратившись в слух.

Дрожа. Чувствуя жар в груди, но боясь вздохнуть. Не решаясь шелохнуться.

Но если рычание и было – то теперь из темноты ни звука. Лишь треск свечей вокруг алтаря. Показалось?

Я стоял, глядя назад, в темноту подвала. Слушая тишину – и все больше злясь на себя. Трус, чертов трус!

Рычание... Кроме меня здесь никого нет! И не могло быть! Нервишки шалят.

По крайней мере, лучше убедить себя в этом, чем поверить в то, что... Я помотал головой, отгоняя предательские мысли. Обернулся к алтарю.

Козлиная морда все так же глумливо ухмылялась. Многообещающе.

– Хочешь сказать, это еще не все?

Огоньки свечей, все как один, дрогнули. Несильно, но заметно.

Я невольно шагнул назад.

По рубинам в глазницах пробежала тень, будто козлиная морда моргнула.

Это что?..

Знак согласия?..

Я тряхнул головой. Нет! Не надо сходить с ума. Всего лишь случайный сквозняк. Ветерок. Я же оставил дверь сюда приоткрытой, в этом все дело.

– Моргай, не моргай, а глазки твои я вырву и продам.

Я снова потянулся к морде, чтобы дернуть за бородку.

– Ну? Что на это скажешь, образина блохаст...

Только сейчас заметил. Сбоку в постаменте, у самой колонны, не было камня – небольшая полочка. И здесь кое-что было. Матово серебрилась серебряная рукоятка, усыпанная темными камнями, – в тени не понять, какими. А за кинжалом...

Корешок книги. Виднелся лишь самый краешек, и там не было букв. Скорее всего, на обложке вообще нет ни одной буквы, но тут и никаких букв не надо.

Я слишком хорошо знаю такие металлические переплеты. В три слоя, один из-под другого: красное золото, белая платина, зеленая от патины медь... Узор из разнокалиберных шестеренок, сцепленных в спирали, вьющиеся в сумасшедшем клубке...

Все в жизни вот так вот переплетено. И паршивое – и хорошее.

С одной стороны – семьдесят пять холмиков. Но с другой стороны – этот вот переплет. Этот узор...

Плывет в глазах, словно шестеренки и спирали из них вращаются в разные стороны. Вращаются – оставаясь совершенно неподвижны. Если тронуть пальцами, то ясно, что неподвижны. Но для глаз – шестеренки и спирали вращаются... Как живые... И на этом переплете – так отчетливо, так явно вращаются...

С таким переплетом я еще не сталкивался. Ни тогда, когда сам забирал книги чертовых сук, – у которых перед этим забрал их жизни. Не видел такого и у Старика, у которого целый стеллаж старых книг, и из них полторы полки вот таких вот – взятых возле алтарей. Там есть похожие переплеты, с такими же живыми обложками, постоянно плывущими в глазах. Можно палец приложить, и будешь чувствовать, что ничего там не вращается, конечно же. А глаза говорят – вертится...

Только ни одна из тех книг – с этой даже близко не лежала. Здесь ощущение того, что кусочки обложки движутся друг относительно друга, при этом странным образом оставаясь на месте – просто сводит с ума. Будто сама ткань мироздания рвется на этой обложке, открывая путь во что-то иное...

Из Старика можно будет веревки вить.

Я шагнул к полочке в постаменте, чтобы вытащить книгу в живом переплете – и в тот же миг совершенно ясно понял, что эхо от моего шага слишком сильно походит на стук когтей по камню.

Скорее почувствовал, чем услышал движение. Мощное, тяжелое. За самой спиной. Ох, не надо было мне сюда лезть... Предчувствие, у меня же было предчувствие! Ну почему же я не поверил самому себе...

Я упал на колени, заваливаясь вбок и пригибая голову – и что-то большое пролетело надо мной, чиркнув острым по плечу, вспоров твердую кожу плаща. Пролетело едва выше меня – там, где миг назад была моя шея.

Что-то клацнуло по алтарной плите, потом за алтарем – цок-цок-цок по каменному полу...

Я перекатился и вскочил на ноги. Замер, пригнувшись.

Язычки свечей метались, как сумасшедшие. Мешанина теней и света металась по подвалу, будто все вокруг ходило ходуном. Ни черта не рассмотреть. То, что вызвало эти вихри в воздухе – затерялось в метающихся полутенях.

Или спряталось?... За черные, надежные тени ближайших колонн... А может, и еще ближе...

Хуже всего то, что у меня с собой никакого оружия. Не разгибаясь, я медленно пошел вокруг алтаря. Что за этим трехступенчатым пьедесталом – с другой стороны?..

Но и колонны я старался не терять. Бочком. Влоборота к алтарю, влоборота к колоннам. Черт его знает, куда упрыгали эти быстрые цок-цок-цок...

Я сглотнул. Тело дрожало, как натянутая струна. Обострившиеся чувства ловили каждый треск свечей, каждое поскрипывание кожаного плаща, мягкое касание подошв о каменные плиты – я ступал медленно и очень мягко, но все равно слышал свои шаги. Звук есть всегда. Даже если пальцем прикоснуться к листу бумаги... Всегда.

Я слышал свои шаги, а еще – на самом пределе – эхо от них.

Чертовски похожее на мягчайшую поступь крадущихся лап – лап, когти которых не убираются в подушечки между пальцев, потому что слишком большие...

Я различал эти мягкие касания, маскирующиеся под эхо моих шагов. Но что толку? В огромном зале, полном арочных колонн, звук шел отовсюду. Прилетал со всех сторон.

Невозможно понять, где он рождается: в дальнем конце зала – или в трех шагах от тебя, за ближайшей колонной.

Я остановился.

Если эта тварь настолько умна, что не набросилась на меня сразу – а кралась, подстраиваясь под мои шаги, пока не подобралась мне за спину, чтобы наверняка ударить мне в шею, в самое уязвимое место...

Если эта тварь настолько умна – что она сделала после того, как свалилась по ту сторону алтаря?

И что она делает сейчас?

И, главное, что собирается сделать?..

И что надо сделать мне, чтобы снова стать охотником, а не жертвой? Может быть, оружия у меня и нет, но руки-то остались. И голова.

Я двинулся дальше вокруг алтаря, теперь не спуская с него глаз. Уже не бочком, развернулся к нему совсем.

Тихо, осторожно... Шаг за шагом...

Уже у изумрудного края пластины. Еще шаг – и увижу все, что по ту сторону высокого пьедестала.

Я сделал этот шаг – в тот же миг упав на колено, одновременно разворачиваясь назад и вскидывая левую руку...

Колени коснулись камня еще раньше, чем я услышал движение. Даже раньше, чем ощутил это движение, его жаркое начало, – почувствовал тем особым предчувствием, что не раз спасало мне жизнь...

Левую руку пронзило болью, меня швырнуло назад. Я рухнул на каменный пол, а что-то огромное и тяжелое обрушилось на меня. Ударило в грудь, врезало прямо в солнечное сплетение, выбив из меня воздух и заткнув глотку невидимой пробкой. А левая рука – как в тисках. В тисках, унизанных шипами...

Огоньки свечей метались, решив спрыгнуть со столбиков жира. По полу прыгали тени и все вокруг вздрагивало и качалось.

В этой мешанине – два серебристых глаза. Прямо надо мной. Уставились на меня в упор. Целеустремленно – и невозмутимо. Шляпки двадцатисантиметровых гвоздей, приготовленных для распятия... Совсем близко.

Были бы еще ближе – если бы не мое левое запястье, угодившее в пасть. Клыки вжали толстую кожу плаща в руку, давя мышцы, ломая лучевую кость... Рука ниже локтя превратилась в один сплошной комок боли, и все-таки каким-то чудом я удержал эту тварь. Не дал ей вгрызться в шею, – а именно туда она целилась.

В груди онемело, хотелось глотнуть воздуха – но рот открывался и закрывался впустую, вдохнуть не получалось. Слишком сильно эта тварь врезала мне в солнечное сплетение. И слишком много она весила. Лапы давили мне в грудь как двухпудовые гири.

Я ударил ее правой рукой, попытался столкнуть с себя, – но с таким же успехом я мог бы толкать бетонную стену. В груди жгло, я не мог вдохнуть, а тяжелые лапы выдавливали из груди последний воздух.

Воздуха, хоть глоток воздуха...

Тварь нависла надо мной, навалившись на левую руку всем своим весом. И моя рука, как я ни пытался удержать ее, пошла вниз... Все ближе к моему горлу...

Я толкал тварь правой рукой, попытался нащупать ее шею, пережать горло... Сквозь плотную шерсть, под складками шкуры... Шкура подалась под пальцами, но и только. Под шкурой были мышцы. Такие, что я даже не мог схватить эту тварь за горло – мышцы были как камень. Куда уж их пережать...

Воздуха, хоть глоток воздуха!

Грудь горела, мышцы рук наполнил колючий жар. Все тело стало как чужое, едва слышится, – а серебристые глаза все ближе. Уверенные и невозмутимые. Знающие: рано или поздно

рука не выдержит, упадет на грудь. И тогда придет черед шеи. Или второй руки, если успею подставить, когда она метнется к шее. Это не важно, одну руку придется перекусить или две. Все равно рано или поздно дело дойдет до шеи...

Я бы попытался воткнуть пальцы в эти глаза, похожие на шляпки гвоздей, – да только я знал, что едва перестану давить правой рукой, в тот же миг моя левая рука упадет на грудь, открыв путь к горлу.

Да и не помогло бы мне это. Тварь глядела мне в глаза – и я читал там слишком многое, чтобы надеяться, что удар в эти глаза спасет меня. Нет, даже тогда она не отпустит меня. Нет... Я могу ударить ее по глазам, могу воткнуть в них пальцы, и даже вырвать – но это ничего не изменит. Она найдет меня и слепая – по запаху, по дыханию, по ударам пульса в моих венах... Догонит еще раньше, чем я успею найти выход из этого подвала. Догонит и убьет.

Я хватал ртом воздух – но вдохнуть не получалось. В грудь не входило ничего...

Серебристые глаза совсем близко.

Моя левая рука опустилась до подбородка. Нос твари, верхние клыки – прямо над моим носом. Из пасти несло сырым мясом, застрявшим между зубами, смрадом изнутри глотки...

Серебристые глаза дрогнули – больше не смотрели в мои. Нацелились ниже. Туда, где моя шея, до которой осталось совсем ничего. Сейчас пасть разожмется, отпустит мою левую руку, которой я уже ничего не смогу сделать – и нырнет мне под подбородок...

Я как мог отталкивал ее от себя правой рукой, – но теперь сжал пальцы. Мышцы не продавить, но в шкуру на шее я вцепился. И из последних сил рванул тварь – над собой, за голову! И правой рукой, и левой, угодившей в пасть. Несмотря на боль, рванул и левую руку ко лбу, над собой, за голову!

Левая рука не выдержала, упала на лицо – но не к подбородку, куда жала тварь, а на лоб. Утянув пасть твари, вцепившуюся в запястье, – и заставив ее вытянуть шею. Растянуть мышцы и толстые складки шкуры, укрывавшие горло и кадык. Заставил ее открыться – всего на миг, она уже дернулась обратно...

Я рубанул туда правой рукой. Костяшками пальцев в кадык, на миг выступивший из-под растянувшихся жил...

Тварь квохнула, дернулась обратно. Я снова увидел серебристые глаза, а мышцы на шее сомкнулись в непробиваемую броню – но это уже не имело значения. Мои пальцы пробились. Я слышал хруст! Почувствовал, как кадык нырнул внутрь. Хрящ не выдержал, треснул и вошел в глотку, в самую трахею.

Серебристые глаза расширились – может быть, от боли, а может быть, от удивления. Давление челюстей тоже ослабло. Всего на миг – но достаточно, чтобы вырвать из пасти руку.

Я снова врезал правой рукой, на этот раз по лапам, сбивая их с себя и заваливая тварь вбок. И сам перекатился туда, подминая ее.

Тело едва слушалось меня, перед глазами мутилось. Левая рука ткнулась в шерстяной бок – и безвольно соскользнула. Ниже локтя – как чужая. Лишь тупая боль и ужасное ощущение: там не рука, а огромный надувной шар, который вот-вот лопнет. Но локоть я еще чувствую. И бицепс с трицепсом работают. Что-то еще могу этой рукой...

От резких движений язычки свечей пустились в сумасшедший пляс, пасть превратилась в темный провал среди мельтешащих пятен света – но я ловил серебристые глаза, смотрел в них, ориентировался по ним. Левее и чуть выше...

Я ударил локтем левой – и попал, куда целил. Туда, где у твари было ухо.

Изо всех сил вжал локоть в ушную раковину, а правой рукой вцепился между глаз – в нос. В большой нос, мокрый и холодный. Стиснул его в кулаке – и обеими руками, как мог, локтем и ладонью, рванул голову вбок...

Четыре лапы ударили в меня снизу, швырнув вверх и назад. Тени, метнувшиеся по своду подвала... и каменный пол врезал мне в спину, выбив из груди последние крохи воздуха, заты-

лок врубился в камень... но на миг раньше, чем лапы подбросили меня, я услышал, почувствовал под руками: позвонки твари хрустнули.

+++

Язычки свечей давно успокоились, а я все лежал на полу, свернувшись калачиком. Боль в груди пульсировала, то накатывая, то чуть отступая. Уходила медленно, неохотно. А на смену ей разгоралась боль в левой руке.

Серебристые глаза стекленели, но упрямо смотрели на меня. Жизнь по капле уходила из них, из неподвижного тела. Теперь я мог рассмотреть, что это было...

Грязно-серая шерсть. Собачья морда – слишком длинная для собаки. Мощные лапы – сейчас безвольно распластавшиеся на холодных плитах... Волк. Матерый волчара. Огромный. Больше меня, наверно. Килограммов под девяносто. Ни разу еще таких не видел.

Наверно, я должен был бы чувствовать радость – что завалил такую тварюгу... Что мне повезло, что я все еще жив...

Наверно.

Но радости – не было.

Я люблю собак. Особенно вот таких здоровых, похожих на волков. Похожих даже не по внешнему виду, не только тем, что снаружи – а тем, что внутри головы... Этот сплав независимости – и верности, преданности хозяину до последнего вздоха. Обожаю таких зверюг. Если бы у меня был тотем, моим тотемом были бы волки...

Этот был верен своему хозяину. Я видел это в его глазах – в серебристых шляпках гвоздей, нацеленных на меня... Он бы не убежал, даже если бы у меня был нож или что-то посерьезнее. Нет, этот бы не убежал. Этот за своего хозяина, за его дом, за его вещи не пожалел бы жизни...

Он и не пожалел... Только не за хозяина – за хозяйку...

Я поморщился. Ведь был же уверен, что в доме никого нет!

Два дня подряд за домом следил. А до этого было еще два захода по три дня, – когда присматривался издали, остороженько... Точнее, по три ночи. Это меня и подвело. Ночами-то волк, выходит, спал, носу из дома не высовывал. Охранял окрестности днем – когда спят его хозяева. И вот этой ночью он тоже лежал в доме и дрых, свернувшись где-нибудь на коврике, как обычный пес...

Боль в левом предплечье расцветала. Прокатывалась по руке с каждым ударом пульса. Даже подумать страшно, что будет, если рукой шевельнуть.

Вообще двигаться не хотелось. Навалилась вся усталость и напряжение, копившиеся последние три дня. Болела спина, вздувалась от боли рука, – а надо было вставать, и что-то делать с волком. Если хозяйка найдет его – вот так вот, возле алтаря, с переломанным хребтом, – все, конец охоте. Она будет настороже. А с ней и так-то непонятно, что делать. Она же...

Я приподнял голову и замер.

Звук был тихий-тихий.

Если бы я двигался, я бы его не услышал. Но в полной тишине, которая была и в подвале, и во всем доме, и еще верст на пять вокруг... Низкий звук. Похожий на рокот мотора.

В зале было холодно, но я почувствовал, как по всему телу выступила испарина. Вот хозяева и вернулись. И среди них та, что сумела превратить волка, – умное животное, спора нет, но все же далеко до человека, – в тварюгу, которая не бросается в атаку, а терпеливо ждет, когда можно будет ударить наверняка. В шею со спины. И крадется, пряча стук когтей в эхе чужих шагов...

Это конец.

Звук мотора чуть изменился. Машина, должно быть, уже совсем близко, и сейчас объезжает дом. Ползет к старой конюшне, превращенной в гараж. Сколько до машины – отсюда? Метров тридцать... Пусть сорок, все равно этого слишком мало. Если эта чертова сука смогла так перекроить сознание волка – то сорок метров для нее ничто. Она сделает со мной что угодно. Жаль, что я не поверил предчувствию...

Боясь вздохнуть, чтобы не потерять тихий, на самом пределе слышимости звук мотора, я лежал – и ждал, когда накатит первый порыв холодного ветерка. Не по коже, в голове.

Интересно, она убьет меня сразу – или превратит в своего слугу? Такого же, как эти двое, что живут с ней в доме.

Вряд ли. Они оба здоровенные и красивые. Кавказец – хорош грубой животной уверенностью самца. А тот, что помоложе, блондин, – вообще ну просто красавчик с обложки глянцевого журнала. Куда мне до них, с моими-то метром семьюдесятью и трижды сломанным носом. И еще глаза разноцветные...

Оно и к лучшему. Уж лучше лежать в земле, чем, как марионетка, прислуживать этой чертовой суке...

Медленно ползли секунды, но холодного касания не было. Козлиная морда над алтарем мрачно глядела на меня. Расстроено.

Неужели...

Открыв рот, чтобы бесшумно втягивать воздух, я слушал.

Может быть, они не все вернулись? А только кто-то из ее слуг-мужиков? А самой этой чертовой суки здесь еще нет?..

Звук шагов. Далекий-далекий, тихий-тихий, – но все же громче, чем был рокот мотора. Кто-то вошел в дом и шагал по холлу, по тому странному спиральному паркету, твердому, как камень.

Шаги тяжелые, медленные. Явно мужские. Уверенные, размеренные – и вдруг замедлились, сбились... Совсем остановились.

– Хари? Эй, Хари.

Голос густой и низкий, с легким акцентом – и капелькой удивления.

– Харон! Ну ты где, морда серая? Иди ко мне, я тебе барашка привез...

Тишина. Он прислушался к тишине огромного дома. Я тоже замер, обратившись в слух.

Уж лучше бы был тот гламурный красавчик. А этот... Лет тридцати пяти, широкоплечий и тяжелый в кости. Густые черные волосы – и на голове, и на сильных руках, обычно голых по локоть, несмотря на осенний холод.

Где-то наверху он расстроено крикнул.

– Опять в подвал залез? Намазано тебе там, что ли, сукин ты сын...

Шорох – он что-то поставил на пол, сумки? – и опять шаги. Два таких же, как раньше – а потом в другом ритме и куда громче...

Он спускается по лестнице! Сюда!

Идет прямо сюда. К алтарю – и к любимому Хари с переломанным хребтом... Ко мне.

Я замер на полу, с непослушной левой рукой. Совершенно никакая, даже шевельнуть больно. К нервным окончаниям, пережатым под челюстями, медленно возвращалась кровь, и при малейшем движении сотни игл пронзали руку. Если этот здоровяк примется за меня, этими своими огромными лапищами, поросшими шерстью...

Звук шагов странно менялся. Словно с каждым шагом он приближался не на шаг, а на десять... Причуды лестницы. Тот виток... Он перед самой дверью!

Закусив губу, чтобы не взвыть от боли, я приподнялся.

Губу я прокусил, но едва заметил это, – боль прокатилась по руке в несколько волн, наслаиваясь одна на другую. Я замер, встав на колени, боясь шевельнуться еще раз. Мне бы

хотя бы минутку, чтобы кровь разошлась по капиллярам, чтобы нерв в руке начал работать нормально... Ну хотя бы четверть минуты, дьявол все поberi!

Язычки свечей вздрогнули: качнулись туда и обратно.

– Хари?

Голос гремел отовсюду. Колонны и голые каменные стены рассеивали и спутывали звуки. Если бы я не знал, в какой стороне вход, ни за что бы не понял, где рождается звук... Он уже здесь. За дверью.

Кусая губы, чтобы хоть немного отвлечься от простреливающей боли в левой руке, – я правой схватил волка за лапу и потащил. Двинулся было к колонне позади алтаря – но вовремя понял, что это будет ошибкой. Вот уж туда-то он точно заглянет!

– Харон!

Шаг... Шаг... Шаг...

Он не старался ступать мягко, и подошвы его ботинок были не из мягчайшего каучука. Каждый шаг разносился под сводами, дробясь эхом.

Слишком громко, – после целой ночи тишины. Каждый его шаг бил по моим нервам, как пилой по струнам.

Я пятился прочь от алтаря, боясь скрипнуть плащом, вздрагивая при каждом его шаге – он вот-вот выйдет из-за колонн к алтарю! я совершенно запутался, сколько ему еще осталось пройти! – я пятился и тащил за лапу волка, стараясь удержать его на спине, не дать завалиться вбок. Не дать лапам волочиться по полу, но согнутые передние лапы развалились в стороны... Только бы когти случайно не закрипели по каменным плитам!

Шаг... Шаг...

Черные волосы блеснули в свете свечей – в каких-то двух метрах от меня!

Мой плащ скрипнул от резкого движения, но я задушил этот предательский звук – сдержал себя, не отшатнулся.

Перестав дышать, я прижался к колонне. Кавказец прошел дальше, но нервы не отпустило. Натягивало все ту же. Оттащить волка от алтаря за колонну, в тень – это я успел, но...

Та чертова сука смогла сделать из обычного волка то, что сделала. Это как же надо было влезть в голову волку – волку! Во что же она превратила этого – который гораздо умнее волка?..

Он застыл в паре шагов перед алтарем, поводя головой из стороны в сторону. Принюхивается?.. Как-то ссутулился, став еще шире в плечах. Расставив руки, он сжимал и разжимал кулаки.

А я пытался понять, на что он глядит. перевел взгляд с него, с его мохнатых лапиц – дальше. На колонну с козлиной мордой, на алтарь...

И тут я понял, что мне не уйти.

На этот раз мне не выпутаться. Никак. Алтарь...

Я совсем забыл про него! Про эти чертовы свечи! Когда я пришел сюда, на ступенях горело больше свечей. Гораздо больше. Чертов волк своим махом через алтарь погасил многие...

Кавказец тоже смотрел на алтарь. И все не переставал поводить головой из стороны в сторону, словно что-то пытался заметить, но это что-то ускользало от него. Ускользало снова и снова, раз за разом...

Его движение было таким плавным, что я не сразу понял, что он движется. Вот он стоял неподвижно, сгорбившись, как горилла, сжимая и разжимая крупные кулаки – а вот уже скользит вбок, обходя алтарь... Прямо на меня.

Но смотрел он на алтарь. Пытался смотреть...

Теперь я видел его глаза – но лучше бы я их не видел.

Черт возьми, я дурак. Маленький самоуверенный идиот, если решил залезть сюда! Эта чертова сука мне не по зубам. Совершенно.

Черные и блестящие, как лоснящиеся маслины, глаза кавказца раз за разом пытались уставиться на алтарь – и раз за разом отдергивались в сторону, невидимая рука толкала зрочки прочь от алтаря.

Так оно и было. Только невидимая рука была не снаружи – а в его голове. Чертова сука здорово там покопалась...

Он не видел алтаря.

Похоже, он даже не знал, что здесь вообще что-то есть – кроме гулких стен и арочных колонн. Стены, колонны, – и свет, льющийся непонятно откуда...

+++

Он ушел, а я все стоял, прижавшись к колонне. Потом медленно отпустил лапу Харона. Пока кавказец был здесь, я боялся шевельнуться. Скрип плаща, скрежет волчьих когтей по камню... Кто знает, что может выдать? Где еще в его голове покопалась та сука?

Бежать. Бежать отсюда, и побыстрее, пока не вернулся второй слуга – и их хозяйка.

Забывать это место, как страшный сон, и никогда сюда не соваться. Я все равно ничего не смогу здесь сделать.

Только, боюсь, просто убежать – это меня уже не спасет...

Я стоял у колонны, не зная, что теперь делать.

До этой ночи я думал, что уже видел самое страшное. Был уверен, что уже познал, сколь обманчива внешняя идиллия мира...

Оказывается, я совершенно ничего не знаю. Прав был Старик, прав. Даже соваться сюда нельзя.

Совершенно не представляю, на что еще способна эта чертова сука. Кавказец, его глаза... Харон... Что, если это не просто кличка? Может быть, однажды этот волк уже побывал в царстве мертвых?..

Есть много вещей, в которые я не верю... Не верил до этой ночи.

Что, если эта сука умеет заглянуть в голову и мертвому? Что, если сумеет разглядеть последние минуты волка – и увидит то, что видели его глаза?..

Сможет она меня найти?

Не знаю...

Но проверять это не собираюсь!

Я встряхнулся, сбросил, отогнал трусливое оцепенение. Надо двигаться. Шевелиться – и побыстрее, если хочу пережить эту ночь!

Я подошел к алтарю. Слуги его, может быть, и не видят. Но скоро сюда придет их хозяйка, а уж она-то знает, сколько горело свечей вокруг алтаря, когда она уезжала.

Слава богам, я тоже это знаю. У одних церковная десятина, у других чертова шестая. Когда я пришел, здесь горел каждый шестой огарок.

Я отломил от камня один из огарков. Надо запалить погасшие свечи. Каждая шестая должна гореть – только стояли огарки не в ровную линию, а как придется. Я мог угадать, где приблизительно была погасшая свеча – но которая именно...

Можно, конечно, пробовать пальцем все подряд, под фитильком. На тех, которые погасли, воск на вершинках должен быть еще теплым. Пока свеча горит, там маленькие прозрачные лужицы. Сейчас они застыли, но должны быть теплыми...

С верхнего этажа доносились шаги, шелест, стукались створки шкафов. Кавказец потопрапливался. Это может значить только одно.

Я стал запаливать наугад, выискивая места, где черных фитильков собралось больше пяти. Надеюсь, чертова сука сама делает так же: просто считает до шести, чтобы запались очередную свечу. Не вспомнит, какие именно свечи зажигала. Их тут столько, этих свечей...

Я шел вокруг алтаря, шаря глазами по огонькам и мертвым фитилям, боясь пропустить темное скопление – или запалить больше, чем нужно.

Козлиная морда ухмылялась надо мной. Рубины светились в темноте.

Мертвые камни?.. Как же! Нет, не только руки таксидермиста потрудились здесь...

Но мне бы сейчас выбраться. Просто выбраться!

Морда с ухмылкой следила за мной, а я терпеливо и старательно, как преданный адепт, зажигал свечи на ее алтаре. Каждую шестую.

+++

С волком было еще хуже, чем со свечами.

Слева от алтаря я заметил крышку погребца. Приподняв тяжеленный щит из дубовых досок, обитый по углам медной лентой, я заглянул в затхлую темноту...

И тихо опустил крышку обратно. Нет. Не здесь. Не так близко.

Если эта сука в самом деле может копаться в голове свежего трупа, то бросить его сюда – все равно что оставить прямо перед алтарем. Почувствует.

А если не почувствует сразу, позже найдет. По запаху через пару дней. Никакая крышка не спасет.

Левая рука болела и не слушалась. Пальцы едва сгибались, как окоченели. Пустую чашку не удержат. Пришлось тащить волка одной рукой, волоком – сначала по залу, потом по ступеням вверх...

Прислушиваясь, как кавказец хозяйничает где-то в правом крыле. Там у них столовая, за ней кухня. Часто-часто стучал нож по доске, шипело масло, запахло мясом, пряностями.

В животе заурчало. Я вдруг почувствовал, как же голоден. Рот наполнила слюна...

Теперь нас разделял только холл. Широкий и совершенно пустой. Впереди выход. Справа – двери в крыло. Распахнутые. За ними полутемная столовая, край стола, стулья, а дальше – светлый проем еще одних дверей. В кухню.

Отблески разделили холл светлой полосой. Всего несколько шагов, а потом – снова спасительный сумрак, и уже у двери... Всего несколько шагов. Но если из дверей кухни всего один взгляд – просто случайно, краем глаза заметит движение...

Судя по быстрому тяжелому стуку по доске, сейчас в его поросших волосом лапищах – большой нож. Профессиональная поварская штука с длинным тяжелым лезвием и хорошей рукоятью. Не хуже боевого тесака.

Светлая полоса лежала передо мной, в дверях кухни я видел край стола. Он где-то там. Всего один шаг в эту сторону, случайный поворот головы...

Но разве у меня есть выбор?

Я шагнул в светлую полосу, и чертов волк отомстил. Где-то за моей спиной одна из лап упала на пол, и когти царапнули по полу. В тот же миг нож перестал стучать.

Стало тихо-тихо. Даже шипение масла едва угадывалось...

Тихо-тихо...

Назад? Обратно в темноту? Но чертова лапа опять скрипнет когтями, и теперь в тишине...

Вперед? Наплевав на звук, к дверям? Но проклятая туша волка не даст мне быстро двигаться... Бросить? Но что дальше? Что потом – когда вернется та сука?..

Тихо-тихо. Я ясно расслышал, как он шагнул...

Сюда! В холл, где прямо напротив дверей кухни, в светлой полосе застыл я, с лапой Харона в правой руке...

Надо было обернуться, попытаться как-то поднять раскинувшуюся лапу волка, чтобы не скребла пол, и нырнуть обратно. Только чем схватить его лапу – левой рукой, которой я

боялся шевельнуть? И еще больше я боялся отвести глаза от кухонных дверей, от этого светлого проема. Даже на миг. Ему не надо много времени, чтобы увидеть меня. И незаметно скользнуть через порог и в сторону... а потом тихо добраться до меня, пока я буду стоять на лестнице и, дрожа, прислушиваться, боясь шевельнуться, загнанная в угол мышь...

Масло заискрилось с новыми силами, снова стукнул нож по доске – на этот раз несильно, не рубя, а скобля, сбрасывая нарезанное в сковороду.

Я сообразил, что стою закусив губу и не дыша. Замер, как истукан, – когда звуки заполнили кухню, и ему за шипением масла совершенно ничего не слышно!

Я втянул воздух и бросился вперед. Промчался оставшиеся до двери метры, толкнул плечом ближнюю створку, вывалился наружу и, разворачиваясь, бросая плечо и правую руку как можно шире, на инерции выволок через порог волка.

В осенний холод. Господи, господи, господи! Не дай ему почувствовать дыхание холодного воздуха с улицы, не дай ему отвлечься от плиты! Я отпустил волчью лапу, поймал створку и притянул ее на место, не дожидаясь, пока это сделает пружина.

Снова схватил волчью лапу и бегом слетел по левой лестнице, чтобы даже близко не маячить перед светлыми окнами правого крыла. Повалился на землю. Выступ цоколя отрезал меня от светлых окон, от входа.

И лежал, уткнувшись лицом в загравок Харона, чувствуя запах его мускуса, но не решаясь отвернуться, даже просто пошевелиться, – вот-вот ожидая услышать, как открывается дверь, и шаги кавказца по площадке, а потом по лестнице, следом за мной – шаги, переходящие в бег...

Трус! Чертов трус!

Но я ничего не мог с собой сделать. Лишь лежал, боясь шевельнуться, и втягивал холодный воздух сквозь пахучую шерсть Харона.

Минуты через две рискнул подняться. Поглядел на окна. Светлые проемы правильны – пусты. Никто меня не высматривал. Я поглядел на пруд. Метров тридцать до берега. Только теперь мне предстояло идти не по ровному полу – а по сплошному пологу высохших листьев.

Если воловь Харона по ним, останется след, как кильватер за кораблем. Только вода сходится и успокаивается, а вот листья...

Лестницу, меня, Харона – вдруг окатило светом.

Все-таки почувствовал что-то! Все-таки решил выглянуть на крыльцо и проверить! Чертов кавказец!

Выпустив лапу Харона, я крутанулся к лестнице, вскидывая руки, готовясь встретить удар тяжелого ножа...

Но двери были закрыты. Фонарь над крыльцом не горел, и внутри холла света не было. Лишь в окнах кухни.

И моя тень, легшая на ступени... Свет падал...

Свет на миг пропал, а потом снова окатил меня, лестницу и фасад дома.

Я обернулся. За прудом, далеко-далеко, сквозь голые верхушки дубов – плыли два белых огня. Далекое, но яркое, злые, колющие. Фары дальнего света.

И на этот раз уже без вариантов – она. У нее всего две машины, а гости сюда не ездят. Она! Фары плыли за ветвями, подмигивая. Ушли куда-то вниз, снова появились.

Выходит, уже меньше версты до них. Это там холмисто... Но дорога ужасная. Может быть, у меня есть в запасе пара минут. Может быть, я еще...

Первым порывом было рвануть прочь, бросив волка прямо у ступеней. И я бы убежал – если бы не был таким трусом. Но я трус. Маленький жалкий трус. Я слишком хорошо запомнил черные глаза кавказца – его зрачки, вздрагивавшие, уходившие в сторону, куда угодно, лишь бы не взглянуть прямо на алтарь, – который был прямо перед ними, в трех шагах...

Не знаю, на что еще способна та чертова сука. Не знаю и не хочу проверять.

Я упал на землю, лег на левый бок – руку пронзило болью, но другого выхода не было, – и прижался спиной к Харону. Перекинул его правую лапу через свое правое плечо, схватил ее правой рукой с груди, встал на колени.

Пошатываясь под его тяжестью, поднялся на ноги. Волк повис у меня за спиной. Холодный нос – уже не мокрый, теперь это был холод смерти, – уткнулся мне в ухо. Тяжелый, зараза...

Тяжелее меня, а мне приходилось держать его тушу одной правой. Труднее, чем подтягиваться на одной руке. Лапа выскальзывала из пальцев.

А впереди, сквозь голые ветви деревьев, снова показался свет фар. На этот раз гораздо ближе.

Я пригнулся, чтобы часть веса легла на спину, побежал к пруду. Ноги дрожали под двойной тяжестью, но до берега всего тридцать шагов. Это я выдержу... Выдержал. Вот только что дальше?

Вдоль берега скопился слой листьев, не желавших тонуть.

Вправо, влево... Черт бы их побрал! Вдоль всего берега. Идеально ровной полосой. Если свалить труп с берега, будет брешь. Застывшие следы. И черт его знает, когда ветерок или новая листва укроет эти следы. Прекрасно заметные. А уж когда хватятся волка...

Я сообразил, что остановился в полосе света от кухонного окна. Если он выглянет в окно... К черту кавказца! Впереди, сквозь ветви деревьев, все ближе свет фар. И там – она!

А я замер на берегу пруда, с трупом волка за спиной, – и от воды меня отделяла полоса листьев.

Думай, думай, думай!

Уже не только свет фар, теперь и шум мотора на дороге. А если учесть, что это или «ягуар», или «мерин», и обе машины у этой чертовой суки в превосходном состоянии...

Листья были и на берегу. Поддев носком листа, я ощупал ногой склон. Уклон есть, но устоять можно. Должен устоять. Я шагнул еще ниже, к самому краю – и закрутился волчком. Один оборот, второй... Быстрее, быстрее!

Тело волка уже не касалось моей спины. А вот лапу из руки – вырывало. Только бы не выпустить раньше времени... Только бы не ошибиться, в какой момент разжать пальцы, и так уже почти разжавшиеся! Еще один оборот, и рвануть его рукой дальше, подтолкнуть вслед спиной, левым плечом... толчок левым плечом...

Мех проскользил под пальцами, туша улетела в одну сторону, я отлетел в другую. Упал, цепляясь пальцами за землю, чтобы не слететь в воду. Не пробить ногами плавучий слой листвы, ради сохранения которого так старался.

Плеск за спиной был громкий – ужасно громкий в этой неживой тишине!

Свет из-за деревьев уже не робко пробивался, – светил, бросая дубовые тени на пруд, на подъездную дорожку перед домом, на покрытый листьями газон.

Трава еще почти зеленая. Я видел это – пока крутился на каблуках, раскидал сухие листья.

Я откатился в сторону, встал на колени и стал сгребать листья обратно.

Впереди, между мной и спящими фарами, по поверхности пруда гуляли туда-сюда волны, дробясь о берег. В лунном свете черное стекло воды вздрагивало и вздрагивало, волны не желали умирать...

Но хотя бы Харона я кинул достаточно далеко. Слой листьев я задел – но по самому краю. Чуть-чуть. Лапой задел? Или просто волной подбило листья плотнее. Но тут уж как получилось. С этим уже ничего не поделать. Заметят – значит, заметят. Судьба такая поломатая, как Старик говорит...

Я поднялся. До машины осталось метров двести, может, меньше. Еще несколько секунд – и фары зальют светом и пруд, и эту полянку. Если они меня заметят, ей даже не придется

копаться в голове мертвого волка, не потребуете искать меня. Захомуется сразу, как марионетку.

И я побежал.

+++

Я успел отбежать от дома шагов на восемьдесят, когда машина обогнула пруд и встала перед домом. Мотор затих.

Я повалился на листву, затих – и тут же щелкнула дверца машины. Снова была тишина – на версты вокруг – и только мое дыхание, шумное как пылесос, нарушало ее. Стыкая зубы и задыхаясь, я старался всасывать воздух реже и тише. Мне нужен слух. Восемьдесят метров с такой сукой – это мало. Слишком мало...

Попытаться отбежать еще дальше?

Я развернулся, стараясь не шуметь листвой, поднял голову. Чертовы дубы! Раскидистые ветви слишком высоко, под ними ничего нет. И сами-то голые... А месяц совсем низко. Пронзил все под ветвями, покрыл все вокруг лоскутками желтоватого света.

Как на ладони. Попытаешься подняться и бежать – и кто знает, не станет ли это последней ошибкой в твоей жизни?..

Погасли фары дальнего света. В доме осветились окна по сторонам от двери. Вспыхнул наружный фонарь, окатив оранжевым светом лестницы, машину, пруд – до самых деревьев по ту сторону. И даже здесь стало светлее...

Я вжался в листву.

Пурпурный «ягуар» в неестественном свете фонаря казался кроваво-вишневым. Передняя дверца открыта, водитель обходил машину.

Сейчас я его не очень хорошо видел – лишь высокий и худощавый темный силуэт, – но за проведенные здесь ночи прекрасно успел рассмотреть. Лет двадцати двух, молодой и стройный, вьющиеся светло-русые волосы и идеально правильные черты лица – слащаво красивые. До приторности. Может, конечно, я пристрастен, – с моей-то даже зимой веснушчатой мордой, трижды ломаным носом и шрамом через всю скулу от перстня на кулаке одного типа, чтоб ему переломанные пальцы перед каждым дождем ломило...

Опять щелкнул замок, блондин распахнул правую дверцу, протянул руку.

Я слотнул. Вот ее я еще не видел. Она все ночи дома сидела.

Знаю только, что женщина – почему-то они все женщины, эти чертовы твари. По крайней мере, мужиков таких еще не встречалось, – и, надеюсь, не встретится. Старик говорит, мужики ни на что такое не способны. Черт его знает, почему, но не умеют так. А по-моему, это даже к лучшему, что мужики такие неполноценные. Если бы еще и мужики были такие – этих тварей было бы вдвое больше. На черта надо?

Интересно, сколько ей лет – с семьей-то десятками холмиков на заднем дворе... Ту, у которой было сорок два, я не видел, с ней справились другие. Я тогда был слишком мал. Так, зрителем отсиделся, условно на подхвате, – никогда не знаешь, как оно обернется...

Но других видел. Больше, чем хотелось бы. Кое-что знаю. До тридцати холмиков доходят годам к тридцати с хвостиком. А у этой – семьдесят пять. Получается, совсем старуха должна быть.

Они, правда, чертовски хорошо сохраняются, больше двадцати пяти мало кому дашь... Но все равно. Время должно брать свое. Оттого и любовь к смазливим молоденьким мальчикам, наверно. Так что рука протянута не из вежливости, в самом деле пригодится...

Сначала я решил, что просчитался дважды. Не только с волком.

И кроме хозяйки, двух слуг и волка в доме есть еще и девчонка-служанка. И вслед за стройным женским силуэтом – она едва коснулась протянутой руки и выскользнула

из машины мягким, почти кошачьим движением, и таким же легким и упругим шагом пошла дальше, взмахнув руками и сладко потягиваясь, – сейчас появится еще одна, *настоящая*...

Но блондин развернулся и глядел на девушку.

Узкая юбка чуть ниже колена, приталенный жакет из черного бархата, под ним что-то белое с подобием банта между отворотов. А движения... Лет на двадцать с хвостиком. Ну пусть двадцать пять. Ну пусть тридцать – иногда и лучше сохраняются. Но никак не больше тридцати пяти!

Ни черта не понимаю...

Она остановилась, не дойдя до лестницы. Оглянулась, словно не находила чего-то.

– Харон!

Я вздрогнул. В этой неживой тишине сотня метров ничего не значила. Голос, на удивление грудной для такой худощавой фигурки, будто над самым ухом.

В доме открылась дверь, в светлом проеме чернела фигура кавказца.

– Ты кормил его? – спросила женщина.

Темный силуэт мотнул головой.

– Нет его в доме, бегают где-то...

– Хм?..

Она чуть склонила голову. Наверно, и бровь взметнула, таким отточенным движением. Но издали не видно – и, честно говоря, увидеть не хочется. Никогда. Только бы обратиться отсюда...

– Харон!

На этот раз она не просто назвала имя, а позвала. В ленивом прежде голосе прорезались стальные нотки. Окрик вышел хлесткий, как щелчок хлыста.

Она, блондин и кавказец постояли, слушая. Но тишину ничто не нарушало. Никакого треска сухих листьев под лапами волка, несущегося на зов. Только тишина.

Женщина уткнула кулачок в бок, нетерпеливо переступила ногой. И стала медленно разворачиваться, окидывая взглядом вокруг – будто пыталась высмотреть волка, несущегося к ней из-за деревьев. Только я знал, что она не смотрит...

По крайней мере, не глазами... А я был от нее меньше чем в сотне метров.

Странно, но страха не было. Может быть, потому, что теперь от меня мало что зависело. Я знал, в чем мой последний шанс, и отдался на волю рефлексов, давно вбитых в голову.

Закрыв глаза, уткнулся лицом в листву и расслабился. Полностью, до последнего мускула. И выгнал из головы все мысли, все опасения...

Лишь темнота, и запах листвы, земли, осени...

Запах, только запах вокруг – и больше ничего. Ни страха, ни мыслей, ни меня самого...

Лишь запах листвы...

А потом повеяло холодком.

Холодное касание – по вискам изнутри. Мимолетное, как пальцы слепого, привычно обегаящие давно знакомые предметы. Чуть коснулись и тут же пробежали дальше... и вернулись.

Потому что наткнулись на что-то, чего тут не должно было быть. Чему тут не место.

Зацепились внутри моей головы. Коснулись тверже, с интересом...

Я еще сильнее уткнулся лицом в листву. Зарылся в нее носом до самой земли, где пахнет сильнее. Нырнул в запах, отбрасывая от себя все прочее... Во всем мире нет ничего, кроме этого прелого запаха.

Только этот запах, распадающийся на разные струйки: дубовая листва, кислинка земли, далекий-далекий, едва заметный привкус засохшей травы...

Холодок в голове изменился... и пропал.

Но всего лишь на миг. И тут же – виски стиснуло ледяными тисками. И накатило страх. Дикий, чудовищный страх. Я забыл про запах, я забыл про все.

Тиски разжались, касание пропало, – но я едва заметил.

В мире не осталось ничего, кроме ужаса. Все тело напряглось, мышцы стянулись в натянутые тросы – готовые швырнуть меня с места, унести прочь.

Бежать отсюда, прочь! Быстрее! Прямо сейчас!

Я дернулся от земли, вскакивая – тело само поднималось, чтобы унести прочь! – но я заставил себя остановиться.

Бежать! Прочь отсюда!

Нет, нельзя. Обратно, на землю, лечь!

Я попытался плюхнуться обратно на землю, уткнуться лицом в листву, стать незаметным – но тело не слушалось меня. Руки и ноги мелко дрожали от перенапряжения, мышцы вот-вот лопнут, работая друг против дружки, колючий жар наполнил все тело. Вскочить – и бежать!!!

Прочь! Как можно дальше! Это плохое место! Очень плохое!

И все-таки я заставил себя не сдвинуться с места. Удержался. Не побежал, не вскочил. Нельзя!

Нельзя забыть обо всем и броситься наутек. Всюду сухая листва. Шуму от меня будет – как от пьяного кабана. А этого нельзя. Иначе чертова сука поймет свою ошибку.

Она заметила меня, но пока я обманул ее. Закрыв глаза и сосредоточившись на запахах, только на своем носе, чего люди обычно не делают, доверяя больше глазам и ушам, на какие-то мгновения я избавился от сложных мыслей и образов, провалился в простые ощущения. Туда, где сознание человека мало отличается от животного. От какой-нибудь сонной лисы, невесть как сюда забредшей, или запасливой белки, прибежавшей за желудями, или глупой полевки...

Она не стала разбираться. Лишь убедилась, что это не ее волк, и отмахнулась – брезгливо, как от надоедливой мухи. Так, как умеют отмахиваться эти чертовы суки. Коснулась в моей голове нужного места – всего-то. Коснулась быстро, мельком – но...

Слепая паника ушла, я контролировал тело, мог мыслить – и все-таки мне было страшно. Я хотел бежать отсюда.

Знаю, что на самом деле все хорошо. Потому что пронесло. Кажется, и на этот раз я выберусь живым. А это главное. И значит, все хорошо...

Но это на уровне мыслей. А глубже – там, где я ничем не отличаюсь от полевок, белок и волков – у меня все дрожало, толкало прочь отсюда.

Это плохое место. Отсюда надо убираться. Быстрее! Прочь!

Так, как убралась из этих дубовых рощ вся прочая живность.

Так, как бежали люди из окрестных деревень.

Чтобы та, которая может заглядывать в головы, не натыкалась на их назойливое соседство.

И я бы убежал – если бы мог. Да только нельзя. Я не лиса и не полевка. От меня шума будет куда больше – и эта сука, ее блондин и кавказец, прожившие в этом доме, в этом лесу, в этой полной тишине черт знает сколько времени, сразу заметят. Проклятая листва, хрустящая от малейшего движения!

Чуть приподнявшись, я на низеньких четвереньках, очень осторожно двинулся назад. Тело просило бега – развернуться и броситься прочь со всех ног! – но я сдерживал себя. Медленнее движения... Медленнее...

Она еще не ушла в дом. И тот красавчик. И кавказец. Они все слышат в этом чертовом лесу, в котором не осталось ничего живого, и даже ветер отсюда убежал.

В машине, оказывается, были не только она и красавчик. Блондин распахнул заднюю дверцу «ягуара», и женщина позвала:

– Вот мы и приехали. Выходи, моя прелесть.

Из машины выбрался мальчик лет двенадцати.

Движения точные и аккуратные, вроде бы обычные с виду... Но какие-то замороженные. Неправильные. Как у заводной куклы.

Вылез и встал, глядя на женщину. Волосы прямые, прилизанные. Гладко лежат на лобастой голове, только над левым ухом встал клок. И очень странный костюмчик – голубые горошины на ядовито-желтом фоне.

Следом из машины выбрался еще один мальчишка – точная копия первого. Такие же волосы, такой же костюмчик...

Я не сразу понял, что это пижама. А на ногах у обоих – тапочки. С желтыми помпонами на носках.

– С-сука...

Прямо из постели подняла детей. Я почти увидел, как это было.

Дорогая машина, замершая перед новым домом в каком-нибудь небольшом городке. Мальчишки, проснувшиеся среди ночи ни с того ни с сего. Медленно садятся на кроватях. Нащупывают тапочки, встают, выходят из комнаты.

Оглядываются на спальню родителей. Дверь приоткрыта, и они тщательно прикрывают ее. И идут к выходу. Медленно, осторожно, чтобы случайно не клацнули замки, отпирают дверь.

Выходят в холл, к лифту. Там холодно, мурашки бегут по коже, но они этого не замечают. Они лишь знают, что должны вызвать лифт и спуститься вниз. И они терпеливо ждут, пока лифт поднимется с первого этажа. В уснувшем подъезде тихо, только гудит мотор лифта, натягивая канаты. Они дрожат под пижамами, но не замечают этого. Наконец двери лифта открываются, и они спускаются.

Выходят из подъезда, в ночную тишину, сейчас особенно гулкую – тишина и спокойствие волнами расходятся от пурпурного «ягуара», терпеливо ждущего перед подъездом, растекаются на кварталы вокруг.

Мальчишки медленно спускаются по ступеням. Блондин уже ждет их у машины – гостеприимно распахнув заднюю дверцу. Захлопывает, возвращается на водительское кресло и ведет машину прочь из городка...

Кто-то привозит из города барашков для волка, а кто-то – детей. Для черной морды с винтовыми рогами и рубинами в глазницах.

Сука. Чертова сука.

Я глядел туда, а сам переставлял ноги и руки, пятясь назад. Дальше от этого дома – и от нее...

Страх уходил, но медленно, очень медленно. Я с трудом сдерживал руки, желавшие порывисто оттолкнуть землю – чтобы двигаться быстрее. Чтобы уйти отсюда быстрее. Даже так, на четвереньках, я бы понесся прочь отсюда с дикой скоростью – если бы не эта чертова листва всюду вокруг, шуршавшая при малейшем движении...

– Идите в дом, милые дети, – сказала женщина. – И во всем слушайте его, – она подтолкнула ребят к ступеням и кавказцу, терпеливо ждавшему в дверях.

– Обед почти готов, Диана Львовна.

– Прекрасно, Игорь. Я пока не голодна, а вот этих милых детей накорми прямо сейчас. И корми их часто, много и сытно. Через четыре дня они должны пыхать здоровьем. Правда, мои милые?

Мальчишки секунду смотрели на нее – не понимая. Только какая-то тень прошла по их лицам. И они взялись за руки. Нащупали руки друг друга, не глядя... Наверно, и из своего родного дома они выходили вот так же взявшись за руки...

Лабораторные мышата, чувствующие, что грядет что-то нехорошее, но смиренно подчиняющиеся большой руке, – которой привыкли покоряться. Совершенно покорные, пока их

вытаскивают из родной пластиковой клетки и несут туда, где их жизнь понадобится для чего-то большего...

Глядя на женщину, мальчишки синхронно кивнули. Выражение на их лицах осталось таким же отсутствующим, как и раньше. Едва ли они понимали, с чем соглашаются. Едва ли они вообще что-то понимали. Просто почувствовали, что должны согласиться. И кивнули.

И можно спорить на что угодно, следующие четыре дня они будут одержимы диким голодом – даже если дома их мамаше с трудом удавалось скормить им по лишней ложке манной каши...

Чертова сука!

Затрещали листья, ломаясь в моем кулаке – и еще что-то маленькое, но твердое... Я разжал пальцы, но слишком поздно. Маленький сучок громко треснул. В тишине пустого леса, без единого касания ветерка, – словно пистолетный выстрел.

Там, у машины, все замерли. Оглянулись сюда. И она тоже...

Прямо сюда.

Я упал на землю, распластался по листве. С такого расстояния, при одном лунном свете ей меня не заметить, будь у нее совиное зрение. Вот только не ее зрения я опасался больше всего...

Сколько до нее? Было порядочно, и еще метров на двадцать я отполз... Нет, не достанет. Не должна! Не бывает чертовых сук, способных достать на таком рассто...

Холодный ветерок мазнул по вискам, закружился прямо в голове.

Чертова сука! Даже здесь достает?! Должны же быть пределы и ее способностям! Это же... Я оттолкнул прочь все мысли и зажмурился. Вжался лицом в листву и изо всех сил втянул воздух. Полную грудь воздуха – наполненного запахами тления. Листвы, земли...

Только на этот раз холодное касание в голове никуда не ушло. Холодок в голове лишь усилился.

Я цеплялся за запахи – а холодной ветерок окутывал меня все плотнее. Ледяные пальчики сомкнулись, ощупывая. Пытаясь различить мои желания, мои мысли, мои воспоминания... Пытаясь понять, что я такое.

Только не было у меня никаких мыслей. Я оттолкнул их все прочь. Все побуждения, все ощущения – даже прелый запах разложения. Все стало далеким и слабым... Я проваливался в темноту сна без сновидений, где ничего этого нет...

Ледяные пальчики дернулись следом.

Потекли за мной ледяными струйками, пытаюсь зацепиться за меня, раскрыть, как половинки ореха...

Только слишком слабы они были. Слишком далеко была их хозяйка, и...

Ледяные пальчики вцепились в мою мысль – и я тут же оттолкнул ее прочь. Нырнул еще глубже в темноту без мыслей и ощущений, прочь от этих студеной струек, заползших в мою голову.

Струйки стали липкими, сплелись в паутинку, гуляли бреднем туда-сюда, пытаюсь зацепиться за что-то. Подслушать. Сообразить, что же я такое... Ледяные пальчики попытались сомкнуться на мне, вытащить меня обратно – заставить чего-то захотеть, что-то сообразить, что-нибудь вспомнить...

Но я забился на самое дно, даже эти ледяные касания едва чувствовал. Холодные струйки проходили надо мной, не в состоянии достать по-настоящему.

И к ледяным струйкам примешалось что-то. Раздражение. Призрачное и далекое. Не мое. Тень ее мыслей...

Пальчики попытались сомкнуться сильнее – но снова прошли мимо. Слишком слабые. Слишком далеко их владелица...

Раздражение стало сильнее. Повеяло усталостью – не моей, ее усталостью. Обрушились обрывки образов: лица, дома... Дорога, вечный городской шум, пропахший гарью и бензином... Длинный день, полный хлопот, сомнений и споров – неудачных споров! – и раздражения, копившегося все эти часы, когда надо было сдерживаться, и вот теперь, когда, казалось бы, приехала домой, вдруг нет Харона, и еще это непонятно что, застывшее на самом краю чувств. И еще больше раздражающее тем, что не получается сообразить, что это такое... А ведь мазнула же по нему страхом минуту назад. Кто бы это ни был, должен был убежать прочь! Но еще лежит... Лежит и никуда не убегает, хотя мазнула же по нему страхом, и была уверена, что этого хватит с лихвой... Что же? Теперь даже зверя отвадить не в состоянии с первого раза?

Раздражение превратилось в злость, ожесточилось ледяными баграми –

+++

Я бежал, ветви хлестали меня по лицу и рукам. Теперь вокруг были не дубы, а какие-то осиновые кусты, березовая поросль. Я задыхался, с хрипом втягивал воздух в пересохшее горло – но бежал, бежал, бежал дальше.

Прочь! Это плохое место. Очень плохое! Прочь!

Я продрался сквозь кусты на опушке, сбежал по голому глинистому пригорку – и тут под ногу мне что-то попало. Я рухнул.

Попытался вскочить. Подняться на ноги не было сил – я задыхался, легкие горели, а сердце молотило в грудь, в уши, в глаза, заставляя вздрагивать весь мир вокруг, – но и задержаться здесь я не мог, даже на миг. Сил хватило, чтобы подняться на четвереньки. Так и понесся дальше, на коленях и ладонях...

Оперся на правую руку, потом на левую...

Запястье опалило болью, игла проткнула руку до самого локтя, отдалась вспышкой в глазах. Я взвыл и повалился на правый бок, высвобождая левую руку. Волна боли ходила туда-сюда от локтя до запястья. Туда-сюда, туда-сюда... Я замер, боясь шевельнуться и вызвать новый прилив боли.

Но хотя бы в голове прояснилось.

Теперь я мог уже что-то соображать – а не просто кусок мяса, полный страха и паники, забывший обо всем, способный лишь слепо нестись по лесу.

Плохое место... Надо встать – и бежать дальше... Это плохое место!

Чертова сука! На этот раз она врезала мне от души – и, кажется, зацепила всерьез.

Из памяти будто вырезали кусок. Я помнил, как накатила эта дикая паника – а потом?..

Сколько я ломился через лес очумелым кабаном? Минуту? Десять? Час?

Слава богам, что я успел отползти подальше. И успел открыться до предела – так, что, кажется, и во второй раз она приняла меня за зверя, как ни вглядывалась.

Прочь! Это плохое место!

Принять-то приняла, да только из-за этого и я принял удар как животное. Открытое и глупое животное. Теперь – напуганное до предела.

Хватит разлеживаться! Надо подниматься – и бежать! Дальше! Быстрее!

Я стиснул правый кулак, замотал головой. Черт возьми! Даже не понять, где кончаются мои собственные мысли – и начинается беспричинный страх, навязанный ею!

Прочь! Прочь отсюда!

Боль в руке стала тупой, потом затаилась, – но я чувствовал, что это ровно до тех пор, пока не шевельнешь рукой. А стоит двинуть или, еще хуже, случайно задеть ей за что-то...

Не опираясь на левую руку, я осторожно привстал на колени. Поднялся на ноги, стараясь не тревожить ни руку, ни плечо. Пошел, побежал дальше. Все еще задыхаясь после сумасшедшего спурта, жадно глотая воздух пересохшим ртом – но не останавливаясь.

Прочь, прочь, прочь!

Забуть это место, как страшный сон. Навсегда. Никогда больше даже близко не соваться.

Вон и крайний дом деревеньки... Господи! Почти четыре версты пробежал – и даже не помню, как... Чертова сука!

Я добрел до стены. Когда-то этот дом был зеленый, сейчас грязно-серый. Бревна покрылись плесенью. Доски, которыми заколотили окна, превратились в труху. А на углу избы срезы бревен подгнили и разлетелись. Такие щербатые, будто их зайцы грызли. На краю крыши не хватает двух железных листов. Давно ветер сорвал и унес куда-то...

Я шел дальше. Остальные дома не лучше. И покосившиеся заборы, такие же грязно-бесцветные...

Все вот-вот рухнет, источенное гнилью, дождями и временем.

Лишь в центре деревни стоял крепкий дом – из хорошего кирпича. Крыша, конечно, и здесь прохудилась – но спасало наличие второго этажа. Его пол стал запасным потолком. Здесь-то, в дальней комнате, я и коротал последние три дня. Ночью ходил к усадьбе, а днями спал здесь.

Сейчас я хотел есть, хотел согреться, хотел повалиться на спальный мешок и закрыть глаза – но еще больше я хотел убраться отсюда.

Я обошел крыльцо, свернул за угол. В огород. К терпеливо ждущему меня темно-серому узику. Забрался внутрь и трясущейся рукой повернул ключ зажигания.

От толчков левая рука снова разболелась, но не сейчас, милая. Не сейчас!

Стискивая зубы от боли, я кое-как захлопнул дверцу правой рукой, переставил передачу и тронул «козленка» вперед. Через огород, прямо по рухнувшему старенькому забору, – и дальше, на главную улицу. По давно растрескавшемуся асфальту, развалившемуся на куски. Мимо брошенных домов. Прочь!

+++

Бетонка от деревни до шоссе казалась еще старше самой деревни. Плиты повело вверх-вниз и из стороны в сторону. На каждом стыке «козленок» то ухал вниз, то бился в выступающий край плиты.

Но я не сбрасывал скорость, гнал вперед как можно быстрее. Только бы выбраться отсюда! Только бы выбраться!

Прочь, прочь, прочь!

Из этой гниющей деревни, из этого безлюдья, из этой тишины... Прочь из мертвого и холодного царства этой чертовой суки!

Уже недалеко осталось по этой бетонке, вон и мостик через ручей. За ним щебенка, а через полверсты и нормальная дорога, а там и до трассы рукой подать...

Я уже въезжал на мостик, когда вспомнил, что опора под крайней плитой шатается.

Когда я ехал сюда, под колесами плиту накренило, «козленка» дернуло вбок – но это был уже конец мостика, и по инерции я все-таки выкатил на твердую землю. Теперь же, в обратную сторону... Под колесами стукнула плита, накренившись на просевшую опору, «козленок» подпрыгнул – и дернулся к краю плиты. Теперь инерция несла его с моста – прямо в середину ручья.

Руль вырвало из руки. Я вцепился в него обеими, рванул, выравнивая машину – и левую руку пробило болью. Да такой, что в глазах отдалось вспышкой...

Не помню, как проехал мостик. Каким-то чудом удержался, не слетел в глубокий ручей. Помню лишь, что выл от боли, а на том конце моста все-таки вылетел с дороги и передние колеса ухнули в придорожную канаву.

Машина встала, а я, все воя от боли, дотянулся до аптечки. Зубами сорвал хрустящую упаковку шприца, стянул пластиковую шапочку с иглы и вколол в левую руку, – прямо через плащ.

Откинулся на кресло, стискивая зубы...

Секунды через три что-то стало меняться. Боль медленно, но отступала.

И в голове тоже чуть прояснилось...

Господи, да что же это со мной! Куда я несусь как угорелый – по этой раздолбанной дороге?!

До дома чертовой суки уже верст семь, если не больше. Здесь она меня не достанет.

Да даже в той деревне – я уже был вне досягаемости! Еще там должен был вколоть обезболивающее, и нормально поехать. Медленно, осторожно, удерживая руль обеими руками.

Но даже здесь, в шести с лишним верстах – мне до одури хотелось забыть про осторожность и бежать дальше. Как можно быстрее!

Прочь! Это плохое место!

С-сука... Здорово она меня. А ведь она даже не в полную силу била. Собственно говоря, она вообще не била. Это был не удар на поражение, нет. Так, раздраженный шлепок, чтобы гулял в другом месте и не путался под ногами. Она приняла меня за какую-то птичку-зверушку, не посчитала опасным...

А если бы посчитала?

Я вспомнил черные глаза кавказца, когда он хотел посмотреть на алтарь – но никак не мог. Его зрачки раз за разом отбрасывало прочь. А ведь ее тогда даже рядом не было...

Боль в руке стала далекой и тупой. Я медленно поднял руку, стал осторожно стягивать кожаный рукав к локтю.

Как она сказала, эта чертова сука? Четыре дня? Через столько мальчишки должны быть румяными и откормленными, как поросята перед званым обедом?.. Я прикрыл глаза, вспоминая, каким был месяц этой ночью. Меньше половины, но больше четверти. Ну да, где-то четыре седьмых половинки и есть... Четыре дня – это, выходит, до новолуния. А потом на заднем дворе дома прибавится еще пара холмиков.

Ну и запястье... Без слез не взглянешь. А ведь это – мое запястье!

Жесткая кожа плаща спасла, крови почти не было. Лишь четыре небольших ранки с запекшейся кровью, две сверху и две на внутренней стороне руки. Зато все вокруг... Подкожные кровоподтеки и сплошной сине-багровый синяк, уже распухший. Не рука, а верхняя конечность трупа, неделю плававшего в вонючей городской речушке.

Ноет ужасно – но это пройдет. Заживет. Мало ли у меня всяких разных отметин на теле? Бывало и хуже. И эту переживем, не страшно. Что такое – шрамы на коже?

Куда хуже другие. Те, что внутри... У меня уже немаленькая коллекция. И знаю, скоро к ним добавится еще парочка.

Я опустил рукав, завел мотор и стал потихоньку подавать назад, выбираясь из кювета на дорогу.

Мальчишки... Я знаю, что с ними будет. Все знаю – но ничего не могу сделать. Ни черта не могу сделать, будь оно все проклято! Потому что есть вещи, с которыми мы бороться не в силах.

Я даже пытаться не буду.

Верно?

II. МЕТКА

Через полчаса я выбрался на шоссе.

Небо в зеркале заднего вида светлело, рассвет потихоньку выгонял ночь. Навстречу понеслись фуры, обдавая светом фар и ревом моторов. Я встречал их с радостью. Хоть такая, грубая, – а жизнь. Нет той оглушающей тишины и пустоты, того холодного безлюдья...

Я надеялся, что с первыми признаками дня, с первыми касаниями жизни – уйдет и та пустота, что засела внутри. Но меня не отпускало.

Не в мальчишках уже дело. Не в мальчишках...

Страх. С каждой минутой гнездо чертовой суки оставалось все дальше, но страх не спешил уходить.

Убежать-то я убежал... Но волк со свернутой шеей остался. В пруду, совсем рядом с домом.

И похоже, эта чертова сука любила своего волка. Любит. Она не знает, что его уже нет. Она будет ждать его, недоумевая, куда же он пропал. Недоумевая вдвойне, ведь она-то не обычная хозяйшкa. Она точно знает, что творилось в голове у ее волка...

Она будет ждать его. Потом искать.

А когда денька через три-четыре Харон всплывет в пруду...

Кто-то другой, может быть, и не заметит, что у вздувшегося трупа сломана шея, – вообще не станет его рассматривать. Поплачет и закопает, стараясь не смотреть, не убивать в памяти образ живого друга, – но не она. Она слишком часто сама забирала чужие жизни, чтобы бояться вида смерти. Она заметит, как убили ее волка. А если не она, то тот кавказец, любитель барашков. И тогда...

Когда она узнает, что ее Харон не убежал, не утонул, а дрался до последнего, защищая ее дом – и убит...

Вспомнит она про непонятную зверюшку, которую отогнала в тот самый день, когда Харон пропал? Зверька, убравшегося лишь после второго, мощного шлепка страхом – тогда как обычно хватает и одного, и куда более легкого?

В зеркале заднего вида из светлеющего неба брызнул яркий луч. Я скосил глаза – наконец-то солнце!

Это был всего лишь свет фар. И черный силуэт машины на светлеющем небе. Не фура, легковая. Какой-то полуночник, вроде меня. Выехал еще до рассвета, ближайший крупный город верстах в сорока позади по трассе. Я-то понятно почему оказался здесь в такое странное для путешествий время, – а как его угораздило... И ведь тоже летит на приличной скорости, торопится куда-то.

Я вздохнул. Мне бы его проблемы...

Чертова сука вспомнит, уверен. И про двойной шлепок, и про то, что это было в тот же день. Сообразит, что кто-то был в ее гнезде, кто-то следил за ней.

В этом можно не сомневаться. Вопрос лишь в том, что она сделает дальше?

Сможет она меня как-то выследить?

Очень хотелось верить, что нет. Не должна. Сейчас я уже в двух сотнях верст от нее – а буду еще дальше. И никаких зацепок, чтобы она могла меня выследить, я не оставил. Так что нет у нее способов что-то сделать. Нет...

Но что-то не давало мне покоя.

Может быть, то, что я совершенно не помню тех минут: между вторым шлепком – и краем деревни. Три версты сумасшедшего спурта и несколько минут жизни пропали из памяти – начисто. Ни черта не помню!

Что, если после ее шлепка, когда от страха и наведенной паники я забыл обо всем, вскочил и понесся через лез, ломясь как кабан, потеряв над собой всякий контроль, и над телом, и над мыслями, – вдруг она успела что-то подслушать? Вдруг заглянула глубже, чем я позволял ей, пока контролировал себя? Что, если она смогла заглянуть слишком глубоко?

Подцепила обрывки памяти, желаний, образов... Что-то такое, что дало ей понять, кто я – и откуда...

Бред, бред! Я помотал головой. Нет!

Если бы она заглянула в меня так глубоко – тогда не дала бы уйти. Сразу бросилась бы следом. И догнала бы. Легко. Русский красавчик, может быть, кроме смазливой рожицы мало что за душой имеет, а вот кавказец явно жизнь повидал. Чертова сука знает, какими людьми себя окружать. Уж в людях-то она разбирается...

Нет, не залезла она в меня. Этого можно не опасаться. Если бы она хоть что-то узнала, сейчас меня здесь бы не было. Нагнали бы еще в деревне. Или я ломился слишком быстро, не успели? Тогда бы на машине нагнали. Еще час назад, еще до Вязьмы. Навстречу промчалась очередная фура, ослепив фарами. Окатила светом легковушку, идущую следом за мной, почти нагнавшую...

Сердце бухнуло в груди и куда-то провалилось.

Пурпурная!

«Ягуар»!

Я уставился в зеркало заднего вида – но фура уже унеслась далеко назад, только габаритки краснели. Легковушка снова превратилась в темный силуэт на светлеющем небе – и две слепящие фары...

Едва фура прошла мимо нас, «ягуар» пошел в обгон. Я оцепенел. Пальцы вцепились в руль – а сам я сжался внутри, ожидая, когда же накатит холодный ветерок... Который на этот раз не отпустит – о нет, на этот раз не отпустит...

«Ягуар» прошел слева вперед, попал под свет фар «козленка»... Я зарычал от злости. На фуру, на легковушку, на себя. Черт возьми!

Я тряхнул головой, снова посмотрел вперед. На уходившую вперед машину. Все еще не веря своим глазам.

Никакой он не пурпурный. И никакой это не «ягуар»!

Вишневая «девятка». Самая обычная.

Ушла вперед, но я все никак не мог придти в себя. Пальцы на руле дрожали.

Я свернул на обочину, встал.

Глядел вслед удаляющейся девятке – и не мог понять, как же я мог спутать ее с «ягуаром». Да у них же совершенно разный силуэт! У «ягуара» – зализанный, благородный. А здесь – рубленый, неказистый.

И все-таки спутал... Спутал, и даже цвет другой примерещился!

С-сука... Как же глубоко она меня зацепила-то, тварь! Ведь уже несколько часов прошло. Первый слепой ужас отступил. Я надеялся, что и остатки вымоет из меня за пару часов... А выходит, не вымоет. Что-то зацепилось в глубине, пустило корни.

И это всего шлепок... Простой шлепок, издали... А я...

Я поежился, хотя в машине было тепло. Раньше со мной такого не случалось.

И таких сук – одним дальним шлепком так зацепила! – я тоже раньше не встречал.

Рука сама потянулась к бардачку. Я отбросил крышку. Нашупал рукоятку. Привет, курносый. Один раз ты спас мне жизнь. Может быть, и еще раз сможешь?

Я посидел, лаская пальцами деревянную накладку на рукоятке, гладкий титановый барабан. Металл под пальцами отзывчиво согревался. Мало-помалу и я пришел в себя. По крайней мере, руки перестали трястись.

Я сунул Курносого в карман плаща – теперь можно, теперь эта сука далеко! – и тронул передачу. Вырулил на дорогу.

Чем быстрее доберусь до города, тем лучше. Там будет легче. Там – легче!

+++

Солнце залило светом и согрело осенний мир, когда по краям трассы пошли пригороды Смоленска. Потом и сам городок. Наконец-то!

Я сбросил скорость до почти черепашьей – верст сорок в час, не больше. И медленно полз по городу. С почти физическим наслаждением, – после трех дней пустоты, тишины и холода.

Теплый дом. Скопление жизни...

Вроде бы, неказистый городок. Муравейного типа: малоформатный, насквозь панельно-прямоугольный, – долгая память о войне, которая почти стерла старый город... Но мне нравится. Бог его знает, почему – но уютный он, что ли.

Может быть, как раз из-за этой панельной простоты и скученности. Все квартирки крошечные, похожи одна на другую, как близнецы-братья. Всё близко-близко, все бок о бок, круглые сутки шум, гам, суета... Жизнь.

Здесь есть жизнь. Есть что-то согревающее душу – что-то теплое и родное, во всех этих неказистых житейских мелочах.

Я медленно вел «козленка» по городу, всем телом впитывая это живое тепло. По капле выдавливая из себя страх, стянувший внутренности в тугой холодный комок...

Это всегда помогало. Вымывало из меня и холод отчаяния, и последние крупинки страха – если они еще оставались к тому времени... Всегда, но не сейчас. Страх никуда не уходил.

Только хуже, второй волной накатывал. Потому что, быть может, не такой уж он беспричинный. Если эта сука легко смогла так глубоко зацепить меня...

Да, если сразу не догнала, то теперь, в трех сотнях верст, меня не отыскать – другой чертовой суке. Любой из тех, с которыми я сталкивался раньше. Те не смогли бы. А вот эта...

Ох, достанет меня эта сука. Достанет...

Я дернул головой. Бред, бред, бред! Ну как она меня достанет – здесь, в трех сотнях верст?! Бред! Выкинуть из головы – и забыть.

Только забыть никак не получалось. Достанет она меня. Достанет...

Я раздраженно врезал ладонями по рулю – и зашипел от боли. Удар отозвался в левом запястье – словно спицу вдоль руки воткнули. Обезболивающее отработало свое. Только неловко шевельнись – и боль тут как тут.

Слава богу, вот и родная двухэтажка. Старые стены цвета морской волны, с серыми пятнами отлетевшей штукатурки. Но сам дом еще крепкий. Добротный: его ведь еще пленные немцы строили, сразу после войны. И даже сейчас, через полвека – куда надежнее тех современных, которые в центре тяп-ляпают привозные турки.

Я притормозил возле дома, выключил мотор и распахнул дверцу. В машину ворвался воздух – свежий, холодный, пахнувший опавшей листвой и перегнивающей травой. Осенний.

Но все же не такой, как там, откуда я уезжал. Почти такой же – а все-таки иной. Неуловимо отдающий асфальтом, бензином, где-то далеко пекущимся хлебом...

Запах жизни.

Здесь, в городе, тысячи людей. Сотни тысяч.

Здесь она меня не найдет. Даже если каким-то чудом узнает, откуда я – все равно не найдет. Здесь столько сознаний... Даже если она запомнила меня и способна узнать, как собака узнает знакомый запах, как я узнаю лица людей, которых когда-то видел... Все равно! Здесь

столько людей, столько сознаний... Для нее быть в городе – каждый миг находиться посреди сотысячного стадиона, где каждый вопит во все горло.

Именно поэтому эти чертовы суки и не любят скопления людей. Особенно днем, когда мы живем, когда мы думаем.

А вот безлюдье и ночь – их время...

Но здесь-то – город, и начинается день, полный жизни.

Приободрившись, я выбрался из машины, осторожно – одной правой рукой – выволок рюкзак с заднего сиденья, поставил на землю, чтобы закрыть дверцу. Двинуть левой рукой я не рисковал. Даже шевельнуть. И так каждое движение отдавалось тупым толчком боли.

Я захлопнул дверцу, подхватил с земли рюкзак и зашагал к крыльцу. Одним пальцем, остальными удерживая лямку, подцепил ручку двери, дернул ее на себя – и быстрее проскочил внутрь, пока тяжелая дверь не врезала сзади по пяткам.

А дальше пришлось притормозить.

Всем хороши эти домики, кроме одного: подъезд и лестница на второй этаж крошечные, окон не предусмотрено. А лампочку опять какая-то зараза вывернула... Когда дверь захлопнулась, я остался в полной темноте.

И страх.

Он был тут как тут. Никуда не пропал.

И еще – предчувствие.

Будто бы выше, наверху – вовсе не пустая лестничная площадка. Кто-то ждет меня. Затаившись в темноте, в которой хоть глаз выколи, а все равно ни черта не рассмотреть...

Я раздраженно фыркнул и потрянул головой. Бред!

Во-первых, здесь город. И утро! Вокруг пробуждаются сотни тысяч людей. А это миллионы мыслей и мыслишек, желаний, эмоций, воспоминаний, планов на день...

Правда, та чертова сука тоже не погулять вышла. Кое-что умеет, не так ли?

Ну и что! Даже если бы она могла различить меня среди этих сотен тысяч других сознаний. Даже если бы и могла – все равно! Она ведь не знает, что меня надо искать именно здесь, в Смоленске. Пока она вообще не знает, что кто-то следил за ней. Харон-то еще не всплыл, верно?

Верно. Только холодок в груди никуда не девался.

Я чертыхнулся и нарочито громко затопал вперед. По памяти прошел площадку первого этажа, повернулся, и стал подниматься, считая ступеньки. На двенадцатой сделал разворот, оставив за спиной крошечный лестничный пролет, нащупал ногой новую ступеньку...

Невольно ускоряя шаг, будто это могло бы спасти меня от кого-то, поджидавшего здесь, в темноте.

Но никто не набросился на меня сзади. Без всяких приключений я преодолел еще двенадцать ступенек, шагнул вправо – и уперся в дверь, знакомую даже на ощупь. Замочная скважина, ключ.

Открыл дверь, и темнота кончилась. Вот и утренний свет, льющийся из окон...

Дом, милый дом. Рюкзак я бросил в коридоре. Стянул ботинки и, на ходу сдирая плащ и одежду, пошел в ванную...

Движение я почувствовал раньше, чем услышал.

Но все равно слишком поздно. Ствол уперся мне в спину. Под основание шеи, и очень плотно. Не рыпнуться.

Все-таки выследила, сука!

Как-то выследила... Но как?! Я же...

Мысли мельтешили, обрывая одна другую, в голове было мутно – словно июньский вихрь тополиного пуха, забивающий глаза и ноздри... А правая рука сама собой отпустила отворот плаща, дав ему вернуться на грудь.

Пальцы потянулись вдоль бока, вниз. Есть у меня маленький сюрприз... Только бы тихонько вытащить...

Потихоньку опуская руку, я нащупал разрез кармана, скользнул туда кончиками пальцев, нащупывая рукоятку...

По руке шлепнули, выбив пальцы из кармана. Заставив опустить руку вдоль тела.

Вот и все. Вот и все... Только – как же выследили-то? Неужели – все-таки заглянула в меня, пока бежал от нее? Успела выцарапать что-то из моих воспоминаний... Вот и все...

– Все настолько плохо? – пробасило за спиной.

С плохо скрываемой иронией.

Я захлопал глазами, уже узнав голос, но в голове все никак не складывалось... Потому что... Потому что...

– Гош... – пробормотал я. – Гош, твою мать! – рявкнул я, разворачиваясь.

Но он уже предусмотрительно отступил назад и выставил руку – длинную и сильную. Через нее мне не проскочить, чтобы врезать ему по уху. А стоило бы, за такие шуточки!

Никакого пистолета у него, конечно же, не было. Всего лишь указательный палец – и мои перепуганные фантазии.

– Гош... – процедил я сквозь зубы, а потом без сил плюхнулся на пол, прямо на рюкзак.

Гош перестал ухмыляться.

– Прости. Я думал...

Гош замолчал. Вместо него говорили глаза – внимательные, чуть прищуренные. За него всегда говорят или глаза, или лицо, или руки. Молчун он, наш Гош.

Но, похоже, сейчас у меня были очень болтливые глаза. Гош разлепил губы:

– Думал, ты рад будешь... Новой книжкой похвастаешься... Два рейса прицельных, этот основной...

Шутник, чтоб его...

Хотя, надо признать, этот фокус он проделывал не в первый раз, – ведь некоторым людям вовсе не нужны ключи, чтобы открывать запертые двери. Только раньше я успевал сообразить, что кроме Гоша ждать меня здесь некому. Раньше на этот «ствол» под шею я в притворном удивлении присвистывал наше с ним ритуальное: «Нехилый библиофил пошел!»

И уж чего я точно не делал – так это не тянулся в карман за револьвером. Кого расстреливать-то? Гоша, который со мной с девяти лет нянчится, лучше любого старшего брата?

А вот в этот раз – потянулся...

Может быть, потому, что на этот раз никакой новой книжки я не привез. Нечем хвастаться. Новая книжка осталась в полочке алтаря. И, что еще хуже, так там и останется.

Гош присел на корточки передо мной. Вгляделся мне в лицо.

– Без подарков? – не то спросил, не то подвел итог.

Я кивнул. Невесело усмехнулся.

– Ну, почти. Один-то подарочек я привез... – Я поднял левую руку, стянул рукав.

– О, черт... – Гош побледнел. – Жаба?!

Обеими руками схватил мою левую и стал задира́ть рукав.

– Осторожнее, Гош, – прошипел я.

И типун тебе на язык. Если бы рука у меня пострадала так – от жабы... Пара дней мне бы осталась, не больше. Я закусил губу, чтобы не взвыть от боли, пока он закатывал рукав.

Он делал это бережно, почти нежно – для таких-то огромных ручищ, как у него.

Я вдруг почувствовал, что страх отступил. Я был в городе, я был дома, а рядом был Гош – такой надежный и здоровый. Правда, с тех пор, как он вот так же сидел передо мной на корточках – а все равно возвышаясь и нависая – и смазывал йодом очередную ссадину на моем локте или коленке, прошло уже много лет. Теперь, когда он садился, я видел его сверху,

видел наметившийся просвет в черных волосах. И все равно. Несмотря на все это, несмотря на боль в руке – мне стало уютно и хорошо. Надежно...

Только если я и на этот раз ждал сочувствия – не тут-то было. Гош покосился на следы от укуса, потом задумчиво склонил голову набок, потом нахмурился... а потом с силой дернул рукав обратно. Да так, что рука врезалась в коленку.

– А! – До плеча проткнуло иглой боли. – Да Гош! Какого черта?!

– Три дня, – жестко заговорил Гош. – Три дня от тебя ни слуху, ни духу. Даже записки не оставил. Теперь являешься размазня размазней, и суешь свою руку. На волка он в лесу наткнулся, видите ли! Ах, ох! Не больно ли тебе, девица красная? Не собрался ли ты помереть от укуса собачки, крошка?

Гош умел быть и ласковым и внимательным старшим братом – а умел быть и жестоким отчимом. Когда надо.

Я отвел глаза.

– Молчишь?

Молчу. Все-таки он прав...

Как всегда, впрочем.

Что он должен был подумать, когда я ему вместо объяснений – руку сую? Он ведь не знает, за кем я следил, что там паучиха, а не жаба... И что он должен решить, когда я сую ему руку – как объяснение всего? Что меня жаба задела. И я уже несколько часов, ничего не сделав, добирался до города. Так что теперь у меня даже теоретических шансов не осталось.

– Платочек не нужен? – предложил Гош. – Носочки не постирать? Молочка тепленького не согреть, крошка?

Ну да, не маленький уже. Ну да, должен был и о его чувствах подумать... Но все-таки мог бы и пожалеть! Неужели я заслужил – лишь вот это?

– Между прочим, – сказал я, – ты сейчас говоришь как Старик...

– Между прочим, – отозвался Гош, – сказал бы спасибо, что я не докладываю Старику о всех твоих похождениях.

Я отвел глаза.

Гош помолчал. Потом вздохнул, ткнул меня в плечо кулаком.

– Ладно, оболтус... Из-за этого укуса у тебя сорвалось?

– Ну... Да, – пробормотал я. – Можно сказать и так...

Слишком устал я сейчас, чтобы рассказывать.

– Что случилось-то?

Я посмотрел на него – и опустил голову.

– Давай потом... – попросил я, разглядывая его ботинки.

А главное – что рассказывать-то? Про тех двух мальчишек, которых теперь уже ничего не спасет – про них тоже рассказывать?..

– Что-то серьезное? – снова напрягся Гош.

Серьезнее некуда. Только...

Я вздохнул. Для тех мальчишек этот рассказ уже ничего не изменит. В общении с чертовыми суками, вроде той, что

плохое место!

там, я сильнее Гоша. И если уж она меня так, – издали, не особенно напрягаясь... Гош и подавно ничего не сможет. Так что для мальчишек это ничего не изменит. А вот для Гоша...

Надо ли ему это знать?

Зачем? Чтобы он тоже три дня не находил себе места? Чтобы каждый вечер по сто раз поднимал глаза к небу, к умирающему месяцу, – и считал часы до новолуния, когда в трех сотнях верст отсюда оборвутся две жизни?

– Как-нибудь потом... – поморщился я, не глядя на него.

– Влад!

– Ну, паучиха... – Я наконец-то перестал пялиться в пол и посмотрел ему в глаза. – Очень сильная для меня. Слишком. Понимаешь?

– Паучиха... – глухо повторил он.

И уставился на дверцу шкафа за моей спиной.

А я сидел на рюкзаке и попытался вспомнить, когда это Гош в последний раз отводил глаза, разговаривая со мной... Кажется, всю жизнь я видел лишь его чуть прищуренный, очень внимательный взгляд, следящий за каждым мускулом на моем лице, то и дело вскидываясь к моим глазам. Это у него профессиональное. По лицу, по тому, как движутся зрачки, можно лучше любого детектора лжи узнать, врет человек или нет. Гош мне рассказывал, как это важно – постоянно следить за глазами собеседника...

А теперь вот сам – взял и отвел взгляд.

Гош все молчал, тяжело вздыхая. А я глядел на него, и вдруг показалось мне, что что-то я упустил. Что-то важное... Что-то такое, что все время было у меня перед глазами – а вот как-то не замечалось...

Вот взять Гоша. Прикрывает меня от Старика, ничего ему не рассказывает. А раньше, я знаю точно, сам охотился втихомолку от Старика. Раньше. Охотился, охотился, – а потом как отрезало.

– Ладно, как-нибудь потом расскажешь... – пробормотал Гош и поднялся.

Хлопнул меня по плечу, перешагнул через раззявившуюся лямку рюкзака и вышел. Тихо прикрыл дверь.

А я остался сидеть, слушая, как он спускается вниз по лестнице. Хлопнула внизу дверь. Потом, через минуту, под окнами кухни раздалось урчание мотора.

Звук мотора стал тише, удаляясь. Потерялся за другими звуками – и вдруг стало одиноко.

А может быть, зря я не рассказал все Гошу.

Как бы не оказалось, что это ошибка. Самая большая в моей жизни – и последняя...

Я поежился, обхватил себя руками – вдруг стало зябко. И на коже, и на душе. Страх снова был со мной. Тут как тут.

Черт возьми!

Я вскочил и на ходу сдирая одежду сунулся в ванную.

Сбросил последнее, забрался в ванну, от души задернул пластиковые шторы, чуть не сорвав их вместе со штангой, и до отказа рванул ручку крана. Горячие струи ударили в тело – три дня мерзшее, превшее в одной и той же одежде, пропахшее потом, грязью и страхом...

Горячие струи били в кожу, согревая меня и очищая. Хорошо-то как!

Жмурясь от удовольствия, я облил себя гелем – и стал сдирать мочалкой всю эту грязь и страх.

Грязь – что... Главное – страх этот с себя содрать! Смыть обжигающей водой!

Словно пометила она меня этим страхом...

Я потянулся к флакону, чтобы капнуть еще шампуня в волосы – да так и замер.

Пометила...

А вдруг этот страх – и вправду как метка?

Может быть, после столь плотного касания, пробудившего во мне такой страх, – может быть, теперь она сможет почувствовать этот страх даже здесь, в сотнях верст?

А по страху – и меня, помеченного им надежнее любой черной метки.

Как найдет Харона, так сразу и сообразит все – и потянутся к метке, оставшейся на мне...

Я трахнул головой. Не бывает чертовых сук, способных на такое! Не бывает! Ни одна из тех, с которыми мы встречались, не могла такого!

Но ведь ни у одной из них не было и семидесяти пяти холмиков на заднем дворе...

Я сделал воду еще горячее, чтобы обжигала. И с новыми силами принялся драть кожу мочалкой. Прочь, прочь, прочь! И этот страх, засевший внутри, и эти мысли...

+++

Из наполненной паром ванной я вывалился в коридор и прошлепал на кухню. Хотелось пить.

Я распахнул холодильник, нашел пакет с обезжиренным кефиром, сорвал крышечку – и присосался, прямо к пластиковому горлышку...

Глотал кефир, и по мере того, как отступала жажда – чувствовал, какой зверский голод прятался за ней.

Завинтив пакет с кефиром, я потащил из холодильника все, что там было.

Упаковку нарезанной шейки, морковку по-корейски, тарелочку с шинкованным кальмаром в масле...

Щелкнул чайником, чтобы нагрелся. Уже исходя слюной, на ощупь выудил из путливого целлофана кусок хлеба – и набросился на еду.

В окно било утреннее солнце, за форточкой щебетали воробьи, – и я так же весело чавкал, отъедаясь за последние три дня, проведенных на одних галетах с консервированным тунцом...

Потом – как-то вдруг – оказалось, что живот уже набит, и есть не хочется.

Я заварил чаю, сдобрил его парой ложек коньяка – и оказалось, что страх ушел. Улетучился, как ни бывало!

Я глотал горячий чай, слушал щебетание воробьев под окном... Накатило желание спать, глаза слипались – а в голове словно бы прояснилось.

Конечно же, никаких меток не бывает. Бред это все. Правильно, что не поддался, не бросился прямо из ванной к телефону, чтобы, захлебываясь, вывалить все на Гоша.

Это всего лишь отзвуки удара. Вроде эха. Ведь я не животное, не могу просто испытывать страх – без причины, без объяснения. Мне надо найти причину. Перевести голый страх – во что-то осмысленное. Вот мое бедное подсознание и попыталось, чтоб его...

Я улыбнулся, жмурясь солнцу – и тут холодный голосок возразил. А что, разве мое подсознание никогда не оказывалось право? Разве не бывает у меня предчувствий, которые спасают мне жизнь?

Да вот хотя бы сегодня ночью... Ведь было же предчувствие – там, у самого дома. Я не послушался. И тот волк чуть не порвал мне глотку, бросившись сзади...

Но солнце согревало лицо, щебетали воробьи, от еды и горячего чая по телу расплзлось тепло, и трусливому голоску было не сбить меня с верного пути.

Уйди, маленький предатель. Сгинь, трус! Ты – всего лишь второе эхо удара. Разбирать твои доводы – пустая трата времени. Разоблачишь тебя, так ведь прибежит еще одно эхо удара, твоя тень, тень тени ее удара, еще один червячок сомнения...

Я одним глотком допил чай и, уже засыпая на ходу, побрел в комнату.

Забрался в кровать. Последние годы она стоит не вдоль стены, как раньше, а поперек, прямо у окна. Ногами к батарее под окном, изголовьем к центру комнаты.

Я вытянулся на мягком матрасе, натянул одеяло. Холодное, но быстро теплеющее от моего тела. Поерзал, удобнее устраиваясь... Поправил подушку, чтобы голова лежала повыше.

Чтобы солнце светило прямо в лицо. Для этого я и кровать так поставил. Чтобы солнце – в лицо, пробивая веки. Наполняя все сиянием, в котором купаешься...

В котором нет места ночи, безлюдью и страху...

Лишь золотистый свет. И еще веселое щебетанье воробьев за окном. Деловитые пичуги, полные жизни и бодрости...

Кажется, я улыбался, когда провалился в сон.

+++

...сознание толчками возвращалось ко мне. Я словно выныривал из глубины – и все никак не мог вынырнуть. Все было как в тумане, обрывками.

Кольшущийся свет...

Вонь горелого жира, и еще какой-то запах, тяжелый и тошнотворный, но не различить, запах горелого жира все забивает...

Непонятные слова, плетущиеся в медленный распев, усыпляющий, окутывающий все вокруг туманом, сбивающий мысли...

Это не дом! Не мой дом!

И холод. Я был совершенно гол, а воздух вокруг был холоднее льда. И только снизу что-то теплое, и я жался к нему, жался, находя там крупницы тепла...

Мысли колыхались в голове, как драные тряпицы на ветру. Я никак не мог понять, где я, что вокруг, почему...

Почему я здесь? Почему не дома, где заснул – так хорошо заснул только что...

Свет – от свечей. Сотни свечей. Чуть подрагивающие оранжевые язычки – справа, слева, впереди. А над ними...

Я дернулся назад, попытался отскочить – но тело меня не послушалось. Ни один мой мускул не дрогнул. Я так и остался лежать, раскинув руки и ноги, распятый без гвоздей и веревок.

Над свечами из темноты выплывало на меня что-то мерзкое, покрытое шерстью, и два глаза – горящих красных глаза... Я хотел закричать, но мой рот не открылся. Язык прилип к небу, забившись в самое горло.

Теперь я различил рога, черный нос. Вдруг понял, что это – голова козла. Огромного козла с горящими глазами.

И еще одни глаза – голубоватые и прозрачные, как вода.

Они притягивали меня, они были важнее всего в мире, эти глаза.

Глаза – и лицо. Лицо женщины. Очень красивое. Просто ослепительно прекрасное, – вот только глаза...

Холодные и безжалостные.

Я понял, что же согревало меня снизу. Женское тело. Ее тело.

Она лежала на спине, я на ней. Чувствовал под своей грудью – ее груди, твердые соски. Видел ее глаза... Внизу, странно далеко... Моя голова откинута назад. Под взгляд козла, наплывающего из темноты...

Я не мог шевельнуть ни одним мускулом, мое тело стало чужое, – но моя голова не падала на ее лицо. Кто-то держал меня за волосы. И ее глаза следили за моими. А губы двигались. Это она выводила непонятный напев.

И с каждым звуком – я все сильнее чувствовал ее тело. Теплую кожу, упругую, бархатистую. Толчки ее пульса...

Непонятное бормотание, распевное, затягивающее меня, оплетающее, как паутина...

И глаза. Теперь я не мог оторваться от них. Они были всюду, большие, огромные, прозрачно-голубое море. Я тонул в них.

А мое тело... Будто невидимые нити связали нас с ней в одно целое. Удары ее сердца отдавались через ее и мою кожу – через нашу кожу – в меня, в унисон с моим сердцем... Мы стали одним телом. Общее тело, общая жизнь.

Она моргнула – медленно, с нажимом. Словно дала кому-то ответ: «да, теперь».

И что-то изменилось. Где-то далеко сбоку, за пределами ее огромных глаз. Там, где прыгали тени, и я ничего не мог различить...

Я попытался взглянуть туда – но не мог оторваться от ее глаз. Мои глаза не слушались меня. Я вдруг понял, что очень хочу моргнуть – но даже моргнуть не могу. Ни один мускул не двигался. Глаза слезились, их резало – но я мог смотреть только в ее зрачки, огромные, как темнота воды в глубине колодца.

Связанный с ней в единое целое. И сейчас невидимые пуповины напряглись до предела. Что-то продиралось из нее в меня, а из меня – в нее. Кожу продирали миллиарды крошечных игл...

А за мной что-то менялось. Что-то двигалось.

Рука, державшая меня за голову, дернулась, а в следующий миг что-то появилось под моей шеей. Холодное и острое.

Нож! Это нож! Сейчас он...

Я хотел вырваться из его руки, соскочить с голого женского тела, броситься бежать – но не шевельнуться. Даже не моргнуть, чтобы унять резь в глазах. Невидимые пуповины проткнули меня всего, каждый кусочек моего тела – я падал куда-то...

Лезвие прижалось к шее.

Ее глаза не отпускали меня. Она даже не взглянула вбок, но я понял, что вот сейчас что-то опять изменится. И на этот раз измениться могло только то, что...

Я закричал – но крика не было. Язык лежал во рту дохлой лягушкой, безвольный и чужой. Губы не раскрылись, голосовые связки не задрожали. Я хотел закричать, я до безумия хотел позвать – должен же быть кто-то, кто может это остановить! Кто-то, кто спасет меня!

Так не должно быть, не должно! Так не может быть! Спасите меня! Спасите!

Я не издал даже урчания. А она снова моргнула – медленнее и сильнее, чем обычно. Отдавая еще один приказ.

И лезвие вжалось в мою шею.

По коже потекли теплые струйки. Все больше, все быстрее – я уже чувствовал, как горячие струйки сбегают с шеи мне на грудь, растекаются по животу, перескакивая на ее твердые соски, на ее груди, на ее тело. И вместе с этими струйками крови – задрожали нити, связавшие нас. Миллиарды игл вошли в меня глубже, пронзив с каждой стороны, каждый кусочек, всего, целиком. В полной неподвижности, не двигая ни одним моим мускулом – что-то выкручивало меня, выворачивало наизнанку...

Она уже не пела, лишь тихо шептала. Губы едва двигались, слова давались ей с трудом.

А глаза – так близко, такие огромные...

Лезвие медленно ползло по моей шее, вспарывая кожу и погружаясь все глубже.

Я кричал, хотя ни звука не вырывалось из моего плотно закрытого рта. Я кричал, я кричал, я кричал – но горло наполнило что-то горячее и густое, и в груди стало тяжело, а в горле было все больше и больше –

...два задушенных мычания, не родившихся крика о помощи, – вот что вынырнуло из сна вместе со мной.

Хватая ртом воздух, я сидел на кровати, а сердце в груди выдавало бешеное стаккато, отдаваясь в ушах и висках.

Во сне я кричал – пытался.

Как и тогда, девять лет и половину моей жизни назад...

Тогда крики тоже не родились. Потому что навстречу воздуху, выбрасываемому из легких – текла кровь, моя же кровь. Воздух и кровь. Булькали в горле и пузырились на губах...

Темно, лишь едва заметно белеет проем окна.

Я хватал ртом воздух и дрожал. Все тело наполнил тяжелый, колючий жар – перегоревший адреналин после испуга. Ныла левая рука, а правой, сам того не соображая, я еще во сне стиснул себя за шею, прикрывая давно заросший шрам.

В горле все ссохлось, но стоило дернуть кадыком, сглатывая слюну – которой не было, во рту тоже сухо-сухо – и горло будто наждаком продрали.

Я выбрался из кровати – попытался. Простыни намokли от пота и липли к ногам. Запутались вокруг веревками, я чуть не рухнул на пол. Оскалившись, выдрался из них, свалив комок простыней на пол.

Нащупал дверь и вывалился в коридор. Добрался до двери ванной, щелкнул выключателем и ввалился внутрь, жмурясь от нахлынувшего со всех сторон света. Согнулся над раковиной, повернул кран и припал к холодной струе...

Потом, когда горло отпустило, долго держал голову под ледяной струей.

Плескал воду в лицо...

Но все это не помогло. Когда я поднял лицо к зеркалу, оттуда на меня глядели два диких глаза. Разных: один серо-голубой, другой серо-зеленый, – но одинаково полных страха. Бессмысленного, звериного страха, против которого нет спасения. Два совершенно сумасшедших глаза.

Господи... А я ведь так верил, что распрощался с этим воспоминанием навсегда. Что оно затерялось в глубине памяти, слежалось. Стерлось!

И уж совершенно был уверен, что прошло то время, когда этот кошмар преследовал меня почти каждую ночь...

Сука... Чертова сука! Глубоко же она меня зацепила. Разбередила даже это...

Это все из-за нее, из-за ее вчерашнего тычка. Можно вытеснить страх из сознания – но это вовсе не значит, что страх уйдет. Иногда он просто отступает с верхнего этажа, чтобы засесть глубже.

Я до сих пор дрожал. И мне было страшно. Без причинны – но до одури страшно. Хотелось закрыть дверь ванной – на всякий случай, подальше от темноты, что была в коридоре, – и привалиться спиной к кафелю. Чтобы со спины не напали. И еще поджать ноги, подальше от темного провала под ванной...

Мышь, забившаяся в свою норку, – но понимающая, что что-то в мире сдвинулось с места, и теперь даже в этой норке не спастись...

Трус! Чертов трус!

Я стиснул зубы, прикрыл глаза и попытался вытащить из памяти противоядие. Оно есть. Есть где-то глубоко во мне. То, чем закончилось...

...Старик и его ребята, ворвавшиеся в подвал. Лица, мелькающие в темноте, крики. Выстрелы, отлетающие от каменных стен, оглушающие меня.

Я захлебывался собственной кровью – но тело вдруг отпустило. Я снова мог моргнуть, мог даже закрыть глаза, мог двигаться. Я уже не лежал на женицине. Меня, как щенка, отбросили за алтарь, к дальней стене.

А женицина – вскрикнула и захлебнулась своим криком. И тот, который держал меня за волосы – тоже замер, растянулся черной тенью на полу по ту сторону алтаря...

Кто-то приподнял меня, прижал что-то скомканное к шее...

– Все будет хорошо, мальши, – шептали мне в ухо. – Теперь, мальши, все будет хорошо...

Я пытался вытащить это из памяти, сделать эти воспоминания как можно ярче – те теплые касания рук, когда меня обнимали за плечи, и хрипловатый голос, шептавший мне в ухо. Сильные мужчины, кружившие вокруг меня, как няньки. Бинтовавшие мне шею и старавшиеся не шуметь, лишь ободрительно ухмылявшиеся мне, – хотя у них у самих руки еще дрожали от пережитого волнения...

Я пытался снова почувствовать все это – но только вместо этого из памяти выскакивали другие кусочки.

...рука Старика – который для меня еще не старик, а деда Юра, и будет только им еще долгие годы – на моем плече, пока мы входим в дом... в то здание, что я считал домом девять лет, пока жил там – вместе с матерью... когда она еще была.

Она сидела на нашей кухоньке. Выпрямившись, сложив руки на коленях, словно прилежная школьница. Левый глаз широко открыт, безумно уставился на стену перед собой. А правая половина лица перекошена и посинела...

– Инсульт, – тихий шепот Старика за моей спиной, не мне, кому-то из его ребят...

Та чертова сука была другая. Не такая, как та, вчерашняя. Она не могла влезть в голову. Но она могла...

...Тири лежал в моей комнате, у самой кровати.

Только это был не тот Тири, которого я помнил – шустрый и пронырливый, помесь ламбрадора с огромной дикой дворнягой. Тири, еще совсем щенок – но уже здоровенный и так похожий на волка – очень доброго волка...

Теперь – и навечно – на его морде навечно застыл оскал, превратив Тири в отвратительное чудовище. Нос сморщился, как гармошка, и в широко открытой пасти торчали клыки, над ними противно-розовые десны.

А все, что ниже головы – комок скрученной плоти. Тело, лапы, хвост – едва можно различить, где что. Чудовищная судорога скрутила моего Тири, лишив возможности двигаться.

Он пытался меня защищать. Он рычал на нее, он бросился на ту чертову суку – но...

Она убила его одним касанием.

Как и мою мать.

Просто коснулась – и отключила в них жизнь. Чтобы не мешали...

Я плеснул в лицо ледяной водой, яростно потер лицо. Снова посмотрел в зеркало. Оттуда на меня по-прежнему глядели два глаза, до краев полных страха. Совершенно диких.

И дернулись в сторону. Скопились за спину: нет ли кого за приоткрытой дверью в ванную? Кого-то, кто подкрался ко мне сзади, пока я брызгал в лицо водой, и кто теперь готов напасть на меня...

Я знаю, что никого там нет. Конечно же, нет!

Сам запирал дверь. Услышал бы, если кто-то попытался влезть. В окна тем более не забраться без шума...

Но глаза сами собой скашивались туда. Хотелось развернуться боком, чтобы постоянно держать проем перед глазами.

А еще лучше – захлопнуть дверь. И держать ее, крепко вцепившись в ручку. Здесь, в ванной, светло – а там, в коридоре, так темно... И в этой темноте...

Это было бы смешно – если бы мне не было так страшно.

Сам себе не противен?

Противен, и еще как. До одури.

Но ничего не могу с этим сделать. Ни-че-го. Самое мерзкое чувство.

Ненавижу! Ненавижу!!!

Я врезал в кафельную стену. Стиснул края раковины. Заставил себя не коситься в зеркало себе за спину.

Ненавижу!

Всех этих чертовых сук.

Этот страх.

И себя, когда такой!

И то, что с этим страхом невозможно бороться. Как бороться со страхом, которому нет причины? Который приходит из сна – с которым ничего не поделать, потому что это в самом деле было...

Ненавижу!!!

Хотя причина-то есть... Если не самому страху, то его появлению. Чертова сука. Ее касание.

Чертова тварь! Ты мне за это ответишь. За все ответишь...

За этот страх.

За то, что ты делаешь с людьми.

За то, что собираешься сделать с теми мальчишками.

И за то, что я струсил – почти. За то, что почти решил забиться в норку, предоставив всему идти своим чередом...

А главное, за этот сон. За то, что он вернулся ко мне, после стольких лет, когда я верил, что он навсегда оставил меня.

Вот за это ты мне точно ответишь, с-сука!

+++

Сначала я включил свет – в коридоре, в кухне, в обеих комнатах. Пусть будет светло!

Проверил руку – убедился, что ничего там не воспалилось. Не дождешься, сука! На мне все царапины заживают лучше чем на собаке.

Нашел в шкафу свежую рубашку, натянул парадные джинсы – вельветовые, с лайкрой. Потуже затянул ремень с серебряной пряжкой – люблю серебро. Набросил мою любимую косуху, – ту, что с росписью Криса Джонсона на рукаве.

Сам красный маркер, конечно, давно стерся. Но прежде, чем он стерся, размашистый автограф прошили серебряной нитью. Я потрогал выступающие стежки, металлические на ощупь. Прохладные, приятно жесткие.

Как и я сейчас – внутри.

Ты думала, сука, шлепок – отгонит меня?

Ну-ну.

Оставив свет – пусть горит! пусть дома будет светло, хоть меня здесь и не будет! – я захлопнул дверь и побежал по темной лестнице вниз.

С болезненным любопытством прислушиваясь к себе – не вернулся ли страх?

Страх не было. Правда, это не значит, что он не вернется...

Например, через час, когда боевой настрой потихоньку схлынет... А уж через день – следующей ночью, во время сна...

Я скрипнул зубами, распахнул дверь и вышел на улицу, в холодный осенний воздух. За сон ты мне ответишь, сука. Ответишь.

Сверху, из окна моей второй комнаты, падал квадрат теплого света. «Козленок» притаился за его границей в темноте.

Я забрался в машину, захлопнул дверцу, завел мотор – но сразу машину не тронул. Сначала включил магнитола. Подождал, пока распознается диск с эмпэтришками. Заранее поднимая громкость. В приятном ожидании гадая, что же процессор выбросит наугад...

Из динамиков грянула браваурная иноходь *Crowning of Atlantis*. То, что надо. Exactly!

Я тронулся, лихо развернулся и выбрался на дорогу – совершенно пустую сейчас. Третий час ночи. Даже светлых окон в домах почти нет. Лишь темное небо, пустые улицы и рыжий свет фонарей.

Я прибавил газу и понесся к центру под бушующий *Therion*.

Коронацию атлантов сменил божественный Мидгард.

С тихого распева – взмывающий к небесам... Музыка наполняла машину, заполняла меня, весь мир вокруг – сплетающимися мелодиями и голосами. Ловила в переплетение тем, утягивала в себя... Туда, где ты – пуп вселенной, и все боги мира сейчас рядом, кружатся вокруг, разыгрывая прекраснейшее представление – все для тебя одного.

Какая же я люблю его музыку. Тонкая – и бушующая, полноводная и многоголосая – и мелодичная, и так изумительно выточенная... Красивая в каждой мелочи, точно слаженной с другими...

Так изумительно. Так совершенно. Так, как должно быть.

Словно дыхание другого мира – иного, совершенного. Такого, каким должен был бы быть этот...

Должен был бы...

Я вздохнул. Здесь не так, как в его музыке. Далеко не так... Но музыка прояснила голову окончательно.

Все стало четко, ясно, понятно, – что я должен делать.

Ясно же, как божий день.

С этого надо было сразу и начать! Даже странно, как это сразу в голову не пришло. Из-за страха, наверно. Да, из-за страха. Это он сбил меня, лишил возможности размышлять нормально.

Что ж. За это ты мне тоже ответишь, сука.

Я проверил в карманах, есть ли деньги – они мне сейчас понадобятся. Проспал я часов четырнадцать, снова чертова ночь, и почти все магазины уже закрыты. В это время работают только дешевые ларьки с горячительным, да парочка дорогущих супермаркетов в самом центре. Ларьки меня сейчас не устроят. Нет там того, что мне надо.

Деньги были. Отлично.

Я перестал бесцельно гнать по улицам, стал выбираться к центру. Вдали показалась яркая вывеска супермаркета. Сначала туда, а через час, пожалуй, я уже буду там, где надо...

И все-таки, как не противно было это чувствовать – но я чувствовал, что боевой настрой потихоньку уходит.

Черт бы его побрал, но отступал мой боевой настрой. Улетучивался. Уже не такой уж и боевой.

Потому что решимость – это, конечно, хорошо. Вот только одну мелочь осталось утрясти. Сушью малость. Пустяк, практически: понять, как. Как именно мне ее достать, эту суку.

Один я не справлюсь.

И хуже всего то, что не только я с ней в одиночку не справлюсь. Боюсь, никто из наших с такими тварями еще не сталкивался. Даже Старик.

+++

К дому Старика я подрулил минут через сорок.

Казалось бы, почти центр города – а ощущение такое, будто окраина какого-нибудь поселка.

Сначала скопление гаражей, непонятных складов, черт знает к чему относящихся заборов, – а потом и вовсе пустырь. Ухабы, засыпанные битым кирпичом и поросшие кустами.

Фонари остались позади, у последней развилки на краю пустыря. А дальше – темнота и выбоина на выбоине. Если асфальт здесь и клали, то один раз и полвека назад, когда строили сам дом.

Я едва полз, потихоньку лавируя между выбоинами и огибая холмики, пытаюсь рассмотреть, где сворачивать. Дом Старика – такая же двухэтажка, как и та, в которой живу я. Сейчас Старик, скорее всего, не спит, и его окна должны гореть. Вот только где они, эти окна...

Он ведь на первом этаже обосновался, а холмики, покрытые метелками кустов, метра на два все наглухо закрывают.

Есть еще, конечно, второй этаж. Только, в отличие от меня, Старик здесь без соседей. На весь дом – всего два человека. Если, конечно, второе существо вообще можно назвать человеком...

Первое дыхание холодного ветерка – прямо в голове – я почувствовал еще далеко от дома. Миг дезориентации – в голове появился кто-то чужой – и череда быстрых, ловких касаний. Чьи-то душисто-прохладные, как бергамот, пальцы ощупывали меня, как статуэтку в темноте, пытаюсь понять, что же это.

Прежде чем я успел собраться и вытолкнуть их прочь – сами ушли. Меня узнали, и шаловливые пальчики убрались прочь, не пытаюсь пробраться поглубже в мои мысли и ощущения, – почувствовав мое раздражение этой бесцеремонностью.

Дорога умерла. Осталась лишь едва приметная колея, ныряющая то вправо, то влево, огибая очередной холмик.

Наконец-то я различил огоньки, прыгающие за невидимыми прутьями кустов. На первом этаже горит свет. Я выбрался к дому, приткнул «козленка» на крошечной полянке перед крыльцом и заглушил мотор.

Посидел, слушая музыку. Надо было выключать, но я никак не мог оторваться от мелодии – такой совершенной, так чудно переливающейся из одной сладости в другую...

Или побаиваешься того, что придется сделать?

Может быть.

Но и мелодию дослушать хотелось...

Потом развернулся к соседнему креслу, подтянул к себе большой бумажный пакет с продуктами, обнял его правой рукой – и очень осторожно втиснул в объятия левой. Рука тут же отозвалась тупой болью. Осторожнее надо будет...

Поворачиваясь всем корпусом, чтобы левая рука работала с плечом как неподвижное целое, осторожно выбрался из машины, захлопнул дверцу и взошел на крыльцо.

В левой руке разгоралась боль, но держать пакет надо ей. Правая мне еще понадобится.

Я встал под массивной металлической дверью, резко выбивавшейся из облика всего домика – такого старенького и заброшенного с виду, – и позвонил.

Ждать пришлось минуты две.

Сначала в окне сбоку, за горизонтальными полосками жалюзи, в светлых линиях мелькнула тень. Через несколько секунд громко щелкнул замок. Я потянул на себя тяжелую металлическую дверь и вошел.

– А, Владик...

На миг я увидел его улыбку – но она тут же спряталась между жестких складок его лица.

Старик... У него всего один клоч седых волос – на левом виске, – а остальные черные, как смоль. На самом деле ему пятьдесят один, а в силе рукопожатия он даст фору любому из нас. Да и не только в телесной силе, – он куда опытнее любого из нас. Старик давил этих чертовых сук, когда я еще с горшка под стол бегал.

Давил их умело и много. До тех пор, пока не потерял обе ноги и левую руку.

– Вот, к чаю попить привез... – начал я.

Голубые глаза старика буравили меня, и я знал, что он прекрасно читает все мои мысли.

– Ага, к чаю... Знаем мы ваш чай. Нет, чтоб хоть раз в год просто так старика навестить. Куда там!

Он раздраженно хлопнул правой рукой и протезом левой по колесам кресла, от души дернул ободы. Развернул кресло и покатил по коридору обратно. Пробурчал, не оглядываясь:

– Ты так совсем мою девочку ухайдокаешь, Крамер... Который уже раз за месяц?

Я ничего не ответил. Просто прикрыл дверь и пошел следом.

Нам сегодня предстоит серьезный разговор – но не сейчас. Старик может брюзжать, может злиться, но он человек дела. И поэтому сейчас...

– Продукты пока разгрузи, – скомандовал Старик и повернул влево.

Туда, где когда-то была другая квартира, пока Старик не объединил весь первый этаж в одну. Он покатил в дальний конец дома, а я прошел на кухню и стал разгружать пакеты.

Потом пошел в гостиную, но не удержался, заглянул в кабинет. Как всегда, здесь пахло книгами, а на столе – огромном, как бильярдный, письменном столе в четверть комнаты – кавардак из исписанных листов бумаги, раскрытых книг, вверх и вниз разворотами, чтобы не перелистывались и не захлопывались, томов побольше и огромных томищ.

Поверх всего – одна из их книг. Издали разворот, если не всматриваться, похож на обрывки жирной паучьей сети. Ближе к краю стола разложен еще какой-то старинный фолиант...

Здесь вообще много книг.

И современных – самых разных, от медицинских словарей до лингвистических пособий, – и старых. Три стены в книжных полках, и все забиты книгами. Самые старые собраны в углу слева от окна – там, где их никогда не достигнет прямой солнечный свет.

Здесь у Старика есть все, о чем только может мечтать библиофил-старьевщик – и даже больше. Больше всего трактатов по черной магии, в основном пражских изданий. Впрочем, не уверен, что от этих пыльных старинных фолиантов так уж много пользы.

Но есть и стоящие вещи. На средних полках, куда старику удобнее всего дотягиваться, сидя на кресле-каталке. Здесь – настоящие черные псалтыри. Всего на двух полках. Не так много, как мне хотелось бы... Каждый черный псалтырь, вставший на эти полки, это теплое напоминание о том, что еще одна из этих чертовых сук – из *действительно* опасных чертовых сук! – больше никогда не будет приносить жертв под винторогой мордой.

Были и вовсе уникальные – вроде «Malleus Maleficarum».

То есть оба. И та подделка, которая выдается за «Malleus Maleficarum», этих «Молотов» даже несколько, разных изданий – на верхних полках, среди прочей старинной макулатуры, от которой почти никакой пользы.

Но у Старика есть и другой «Malleus Maleficarum» – настоящий. Написанный теми, кто вправду знал, что из себя представляют эти чертовы суки, чем они действительно опасны, а главное – как их бить. Потому что они на самом деле дрались с чертовыми суками...

Дрались до тех пор, пока чаща весов не склонилась в другую сторону. Пока эти чертовы суки не подмяли под себя сначала церковных иерархов, их руками раскурочили инквизицию изнутри, а потом сами стали невидимыми хозяевами всей Европы... а теперь, похоже, и всего мира.

Теперь охотников почти нет. Архивы инквизиции сожгли, вместо них распространили странные якобы пособия для инквизиторов, полные чепухи и бреда, вроде того подложного «Молота». Чтобы даже те немногие, кто соприкоснулся с этими чертовыми суками – но каким-то чудом вырвался, уцелел, что-то понял и решил бороться, – все равно оказался беспомощен, как слепой котенок. Попытаешься разобраться, что к чему, как с этими чертовыми суками можно бороться, попытаешься найти хоть какие-то крупинки знания, – а получишь записки сумасшедших женоненавистников, которые в лучшем случае сбьют с толка, а в худшем – запутают так, что сразу же и попадешься...

Я оглядывал все эти ин-фолио и ин-кварто с «живыми» обложками, узоры на которых плывут в глазах. Особенно те, на которых узор не просто выгравирован, а набран из разных металлов, как мозаика. Эти сделаны искуснее, и эффект сильнее.

Я пытался отыскать такой же, как видел ночью – но ничего подобного не было.

Разве что... В самом углу, возле крошечного томака «Молота» на старославянском – перевода того исходного, *первого* «Молота», – стояла большая книга в металлическом переплете, и она...

Я прищурился, приглядываясь. Рисунок похож, те же спирали из шестеренок, и осязательно плывут в глазах, – но вовсе не с той сводящей с ума силой, что была у книжки в алтаре. Хотя... Может быть, если развернуть переплет лицом...

Я вцепился в холодный переплет, чтобы вытянуть с полки тяжелый том.

За спиной скрипнули колеса.

– Поставь книжку, Крамер. Сколько раз повторять: руки надо мыть, прежде чем трогать такие вещи! Мыть руки надо! Сколько раз говорить?

Я смутился и задвинул книжку обратно на полку. Мыть... Мыть руки надо после того, как потрогал эту дрянь.

– Дед Юр, я все хотел спросить...

– Ну?

– Сколько лет было той, с сорока двумя?

Старик подозрительно разглядывал меня.

– А с чего это такой интерес?

– Ну так... Вдруг сообразил, что не знаю. А надо бы. Если хочу стать когда-нибудь таким, как ты.

Я улыбнулся – но Старика на телячьих нежностях не проведешь. Он поднял указательный палец и прицелился в меня:

– Ты мне это брось, Крамер! Таким, как я... Ты что, всю жизнь собираешься только этим и заниматься?

– Тонкое искусство охоты требует постоянного совершенствования, вплоть до самоотречения, – процитировал я из «Молота».

Старик хлопнул ладонью по подлокотнику.

– Охоты! На кого – охоты? Мы вычистили и город, и все вокруг. Здесь их больше нет. А если какая-то случайно и забредет к нам, в нашу глухомань, то это будет мелочь. Тебе с лихвой хватит того, что ты уже можешь. И... – он осекся. Внимательно поглядел на меня. – Или ты опять кого-то из другой области собираешься, засранец?!

– Ну почему сразу из другой области... Можно же и просто учиться. На всякий случай. Кто-то ведь должен...

– Ты жить должен! Жить! Вот чему тебе надо учиться!

– Но деда Юра, я же...

– Ты на остальных наших посмотри, – перебил меня Старик. – У Гошки вон, уж вторая девчушка родилась. Серебряков тоже времени даром не теряет, кобелина, уж полгорода девок перепортил, наверно... А ты?

– Что – я?

– А то, что ты уже не живешь! Ты уже фанатиком стал. Это уже болезнь. Ну сколько тебе можно объяснять, что охота – она ради жизни. Чтобы убрать то, что мешает – и спокойно жить дальше. Жить! Охота ради жизни, а не жизнь ради охоты! Понимаешь?

Я прикрыл глаза, прислушиваясь к себе:

– Пора, кажется...

– Ты меня не слушаешь! – Старик врезал кулаком по подлокотнику.

Но тоже замер. Поморщился, нехотя кивнул.

– Да, пора... Но учти, Крамер. Это последний раз вне расписания. Две недели я тебя к ней больше близко не подпущу! Понял?

Я кивнул, слушая уже не Старика – а то, что творилось во мне.

Глубоко в голове родился холодный ветерок.

Эти холодные мазки по вискам изнутри – лишь на первый взгляд схожи. Если знать, на что обращать внимание, легко заметить, что каждый налетает по-своему. Все разные, – как и лица их хозяек.

Эти ледяные пальчики – холодящие не как лед, а как душистый бергамот, – принадлежали той же, что касалась меня на дороге перед домом. Только на этот раз касание было не заискивающим, а чуть удивленным. Озабоченным.

Все еще по-доброму. Пока еще так, как вы удивляетесь, когда хороший знакомый вдруг взял и сделал вам какую-то гадость. Сделал – но вы все еще отказываетесь поверить в это. Не хотите...

III. РУЧНАЯ ДЬЯВОЛИЦА

Она все еще была красива.

Несмотря на то, что было ей уже за сорок, и лицо ее – крупные, правильные черты, породистое немецкое лицо, – сейчас застыло. Угрюмое, жесткое, тесаное из камня.

Несмотря на полное отсутствие макияжа и простую, грубоватую одежду – дешевенькое синее платье прямоугольного покроя, едва прикрывшее колени, на щиколотках пятна зеленки, голые ноги.

Несмотря на два шрама на лбу, справа и слева у самого основания волос. Округлые бляшки, от которых раскинулись лучиками во все стороны маленькие шрамы, – звезды исковерканной кожи.

И все равно она была красива. Очень.

Она лежала на широком дубовом столе, прикрученном к полу. Поверх запястий, щиколоток, шеи и лбу – кожаные ленты-захваты, прижимая ее к столешнице.

Над левой рукой капельница. По пластиковой трубке медленно струится физраствор, а вместе с ним что-то зеленоватое. И по мере того, как это втекало в ее вену, в комнате становилось тяжелее и тяжелее. Холодный ветерок в моей голове превратился в два ледяных обруча, стиснувших виски.

Можно начинать.

Я прикрыл глаза, сосредотачиваясь. Вытаскивая из памяти все те приемы, которым научился здесь же, в этой самой комнате...

Здесь пахло женским телом, которое можно было бы мыть и чаще. Был в воздухе привкус хлорки, оставшийся после уборки. Но куда сильнее всего этого – аромат кокоса.

И еще – непрестанная возня справа от стула. Там вдоль стены протянулся ряд маленьких клеток. Четыре из них были заняты.

Не открывая глаз, я провел рукой по верхушке клеток, по холодным стальным спицам. Щелк, щелк, щелк – следом за моими пальцами. Крысиные резцы хватили воздух, где только что был мой палец, клацали по стальным прутьям клетки, – но едва ли чувствовали боль.

Слишком голодны, чтобы обращать на нее внимание. Третий день без еды. И теперь этот запах кокосового масла. Он сводил их с ума...

Та, что лежала на столе, посмотрела на меня.

Теперь ее лицо не было бесчувственной маской манекена. Теперь там были чувства. Даже слишком много.

Ее глаза... Ярость... Ярость...

Я почувствовал, как ее внимание сосредоточилось на мне. Ярость, что душила ее и не находила выхода, и усиливалась оттого, что она вдруг обнаружила, что не может двигаться, – теперь нашла выход.

Порыв холода в висках – и ледяной волной меня обдал ужас, беспричинный, но ему и не требовалось причин, так жутко мне стало, – рефлекторно я замер, затаил дыхание, внутренности сжались в комок...

Всего на миг. Я был готов к этой ледяной волне, и тут же вынырнул из нее.

Прошлой ночью, возле дома той чертовой суки, я был раскрыт. Чтобы она не заметила, а если заметила, то не поняла. Чтобы посчитала лесной зверюшкой, тварью бессловесной, не понимающей, что откуда берется...

Но сейчас я не старался прятаться – сейчас я принимал бой. Сейчас я не отступал, а закрылся. Вытеснил ее вторжение, выдавил из себя то, что она пихала в меня.

И следил за своими эмоциями, чувствами, мыслями. Я неплохо выучил механику моей души – по крайней мере, то, что плавает по поверхности. Это я знаю не хуже, чем мышцы

своего тела. И сейчас я следил за малейшими изменениями, которые она пыталась вызвать, – я тут же гасил их.

И так же, как в качалке, на тренировках тела я слежу за ритмом дыхания, за тем, чтобы движение шло правильно, – так сейчас я поддерживал в себе нужный букет эмоций, помогавших мне держать в узде мой ум.

Она чувствовала это. Для нее моя голова – прозрачный аквариум, где вместо рыбок мечутся обрывки мыслей и эмоций, а на дне колышутся водоросли памяти и ассоциаций. Для нее, когда-то пользовавшейся людьми, как вещами, было очевидно, что я сопротивляюсь ее попыткам влезть в меня. Яснее ясного. Обычный человек никогда не бывает в таком состоянии, в котором сейчас находился я. Пытался удержаться. Балансировал...

Она чувствовала, что я сознательно задушил приступ паники. Чувствовала, что мне удалось это без труда. Чувствовала и то, что я не собираюсь впускать ее, не собираюсь подчиняться. И вся ярость, занесенная в ее вены той зеленоватой дрянью – обратилась на меня.

Ярость и все то, что у нее еще осталось, – после того, как ей пробили лобные доли.

А умела она многое. До того, как попала на этот стол, она прекрасно научилась копаться в головах людей. Заставлять других чувствовать то, что хотела она. Направлять их делать то, что угодно ей... Желать того же, чего хотела она...

И ярость. Ярость душила ее сейчас, подстегивая, наполняя силой, требуя выхода. Точки приложения...

Невозможно было поверить, что всего четверть часа назад это же существо касалось меня – легко, так легко, что я едва заметил! Призрачный ветерок в голове был легким и дружелюбным, тактично убирался прочь, едва чувствовал, что его встречают без радости. То была заискивающая улыбка, не встретившая ответа...

Сейчас в моей голове вращались ледяные жернова. Тяжелые, яростные, неумолимые.

Перемалывая все, до чего дотягивались.

Выдергивая из моей защиты то одну эмоцию, то другую, – и изничтожая.

Огонь, который я так старательно раздувал в себе – давай, сука! попробуй! тебе не сломать меня! не испугать! – вдруг стал прозрачным, наигранным, неуверенным. У меня уже не было этого злого куража – я лишь цеплялся за него, за память о нем. Цеплялся из последних сил, и уже не за что было цепляться, лишь тень...

Уверенность в том, что я куда сильнее этих человеческих остатков, разложенных на столе – выдохлась, растворилась, пропала...

Знание, что я владею множеством приемов, как противостоять этим чертовым сукам – сменилось растерянностью. На самом деле, я же ничего не умею, совсем ничего...

Накатило ощущение, что меня предали, будто я потерял что-то, что-то очень важное... Ну разве не смешотворно: я, дурак, надеялся, что смогу противостоять ей. Ей, которая сейчас шутя пробивала все мои щиты, раскидывала заслоны, а я-то так настраивался, так выверял нужные эмоции, так раздувал их, – все то время, пока зеленоватая отравка струилась в ее кровь и начинала действовать...

Только я знал, что это – шло не из глубины меня, а просачивалось снаружи. Ее жернова почти смолотили мою защиту, вот что это такое.

Блеснула злость – как же легко я ломаюсь! – и я встряхнулся, зацепился за эту злость, раздул ее. Пусть злость на себя самого, но главное – что это злость. Яркая, колкая злость – спасительное чувство! Не столь хорошо, как уверенность в себе, но хоть что-то. Выставить ее впереди, щитом!

Я еще могу сопротивляться! А ты, сука, все еще не можешь делать со мной все, что тебе хочется...

Жернова давили все тяжелее, но я еще выдерживал ее удары, не давал ей разорвать мою волю на сотни бессмысленных обрывков. Я еще держался...

Зеленоватая дрянь, разбавленная физраствором, все струилась в ее вены. Лицо становилось все жестче. С каждым вздохом – злым коротким всхлипом – резко поднималась грудь, натягивая платье. Жилы на шее натянулись, она вздрагивала всем телом, вырываясь из кожных захватов. И скрежет...

Ее пальцы сжимались и разжимались – единственное движение, доступное ей – и длинные ногти скребли стол, царапали дерево.

Злоба и ярость – её ярость! – я кожей чувствовал их. Жернова в моей голове стали невыносимо тяжелы, разрослись, расплозились во все стороны, подминая мои чувства и мысли, – мне уже не хватало сил выталкивать ее. Я не успевал выправлять все те вмятины, все сбои в моей душевной механике, которые она вызывала. Все равно что пытаться молоточком выправлять вмятины на машине – когда вокруг носится амбал с кувалдой и крушит, крушит, крушит...

Я уже был выжат до предела. Руки дрожали, глаза заливал пот. Я еле дышал. А она...

Зеленоватая отравка и мое противодействие только сильнее раздражали ее. Уже не два жернова, не пять, не дюжина – они были со всех сторон, оглушительный шторм ледяных глыб. И еще несколько минут будет только хуже. Это еще не пик ее ярости, далеко не пик...

Пора. Пора, иначе будет слишком поздно!

Моя правая рука лежала на рычаге, соединенном с дверцей клетки. Я нажал на него.

Несколько секунд, мне нужно выдержать всего лишь пару секунд...

Скрежет петель, пока поднимается дверца. Звон тонких длинных цепочек, разматывающихся с бешено вращающихся барабанов, и еще быстрее стук маленьких лапок...

Серые тельца одно за другим вылетали из клетки, проносились через комнату к столу – и вспрыгивали на него. К обнаженным ногам, смазанным кокосовым маслом.

Она взвизгнула, когда первая крыса приземлилась прямо на ногу, вонзив в кожу коготки, пытаясь вонзить и клыки, – и тяжесть свалилась с меня.

Ледяные жернова в моей голове рассыпались, пропали, словно их и не было. Сука переключилась на крыс.

Я получил передышку, чтобы восстановить свою защиту. Собрать перемолотые ею ощущения, мысли, эмоции – этих трусливо разбежавшихся с поля боя солдат – и вновь выстроить их в нечто боеспособное. Залатать все бреши. И сделать это быстро, очень быстро. Передышка вот-вот кончится.

Крысы вспрыгивали на стол, к ее ногам – и одна за другой заходились в визге, больше похожем на крик. Пулей слетали со стола и неслись прочь, забиться в угол подальше, но поводки рвали их назад, к клетке.

Издали я чувствовал накатывающий страх, – шлепки, которыми она потчевала голодных крыс. Но если я знал, что это наносное, мог этому сопротивляться, не пускать в себя, – глупые твари не могли. Укол паникой – и они неслись прочь, забыв обо всем.

И тяжелые жернова вгрызлись в мою голову...

Скрип ногтей по столу, ее ярость – этой ярости было все больше и больше. Цепная дьяволица переплавляла ее в тяжесть ударов, которые обрушивались в меня, в труху перемалывали все мои попытки противостоять...

Моя защита трещала по швам – и тут давление ослабло.

Крысы. Серые твари опять штурмовали стол. Голод, пахнущие кокосом ноги женщины... А теперь еще из ранок от их коготков – выступили капли крови. После трех дней голода эти запахи сводили их с ума.

Она колола их ударами паники, крысы визжали и слетали со стола, прочь от ее ног – но через секунду снова лезли на стол. Голод вытеснял страх.

Они лезли, она отгоняла, они опять лезли, она опять отгоняла...

Но теперь жернова в моей голове не пропадали. Она уже приноровилась отталкивать крыс, едва обращая на них внимание – примитивные животные душонки, предсказуемые, легко

управляемые. А вот я... Ее бесило, что она не могла подмять меня. И еще она чувствовала, что это я привел этих маленьких кусачих тварей, вывалил их на нее.

Отмахиваясь от них, она пыталась сосредоточиться на мне...

+++

...время иногда становится другим.

Я знаю, что прошло около четверти часа – но кажется, что все это длится вечность.

Женщина на столе, скребущая дерево ногтями. Я, замерший на стуле, взмокший от напряжения. Крысы, неутомимо штурмующие стол.

Теперь, правда, не четыре – всего лишь две. Двух других я затащил обратно в клетку.

Ярость по-прежнему душила ее, – и казалось, что она никогда не устанет. Жернова были все такими же тяжелыми, все такими же быстрыми...

Но уже не такими опасными. Выдержав её первый натиск, второй, потянув время с крысами, я дал памяти пробудиться окончательно, дал рефлексам развернуть свои боевые порядки. Теперь я не вспоминал ее ухватки, а чувствовал их. Видел, куда будет следующий укол. Знал ее следующий шаг. Угадывал, как еще она попытается влезть в меня вот сейчас... Приноровился. Успевал выправлять то, что она меняла во мне, – успевал быстрее, чем мололи ее жернова.

Сначала с четырьмя крысами, на которых ей приходилось отвлекаться.

Потом с тремя.

Теперь...

Я положил руку на клетку, нащупал ручку маленького барабана и стал вращать. Наматывая стальную цепочку, что тянулась к ошейнику крысы.

Сначала шла легко, потом натянулась... Крысе дел не было до моих желаний. Она рвалась к столу, к ногам женщины.

Жернова стали чуть проворнее. Теперь ей приходилось отгонять от себя всего одну крысу.

Вторая, чей поводок я вытягивал, яростно пищала и рвалась к столу, пытаясь перетянуть. Ехала когтями по паркету, цепляясь, не желая удалиться от стола, и визжала, визжала, визжала...

Потом метнулась к клетке, дав поводку провиснуть, вцепилась в него зубами. Зазвенел металл. Она молотила зубами стальную цепочку.

А я стискивал пальцами барабанчик, тянул ее к клетке – и сбрасывал ледяные щупальца, лезшие в меня.

Они чуть ослабевали, когда оставшаяся крыса бросалась на ноги, но крыса с визгом слетала со стола, металась по полу, – и жернова наваливались, наваливались, наваливались... А крыса уже неслась обратно к столу, к кокосовым ногам... Снова и снова...

Но за всем этим, за всей ее яростью – я чувствовал и ее удивление.

Обычно я не выдерживал долго с одной свободной крысой. Обычно я лишь чуть оттягивал вторую, а потом опять отпускал. Чтобы опять бежала к столу, чтобы дьяволицу отвлекали две крысы.

Но сегодня я выдерживал и с одной. Все еще выдерживал...

То ли наконец-то сказалось то, что таких схваток я провел не один десяток, выучиваясь управлять своими эмоциями. А может, из-за того, что случилось прошлой ночью. Да, мне вчера досталось – но ведь не сломало же! И сон, опять этот чертов сон... И теперь на доньшке души теплилась, никуда не пропадая, злость на ту чертову суку. Злость и знание, что я выдержал ее удар страхом, переборол его. Может быть, в этом все дело. Ведь то, что нас не убивает, делает нас сильнее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.